

ИЗ
КРОВИ
И
ПЕПЛА

ДЖЕННИФЕР
АРМЕНТРОУТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА №1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

18+

Дженнифер Ли Арментроут
Из крови и пепла
Серия «Mainstream. Фэнтези»
Серия «Кровь и пепел», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65402776

Д. Арментроут. Из крови и пепла: ООО «Издательство АСТ»; Москва;

2021

ISBN 978-5-17-134448-1

Аннотация

Дева...

Жизнь Поппи никогда ей не принадлежала – она была избрана для особой миссии еще при рождении. Жизнь Девы – это одиночество. Она неприкасаема. На нее не смотрят. С ней не говорят. Удовольствие для нее – под запретом. В ожидании своего Восхождения Поппи борется со злом, которое погубило ее семью, а не ждет милости от богов, хотя у нее никогда и не было выбора.

Долг...

Будущее всего королевства зависит от Поппи, но сама она не знает, чего хочет на самом деле. Потому что у Дев есть сердце. И душа. И желание. Поэтому, когда златоглазый гвардеец Хоук достаивается чести быть связанным с ней, Поппи понимает, что долг и судьба для нее теперь неразрывно связаны с желанием

и жадной. Хоук разжигает ее злость, заставляет сомневаться во всем, во что она верит, и дразнит запретными плодами.

Королевство...

Покинутое богами, но внушающее страх смертным, павшее королевство возрождается снова, намереваясь забрать то, что принадлежит ему по праву, с помощью насилия и жестокости. Чем ближе час расплаты, тем сильнее размывается граница между запретным и правильным. И когда пропитанные кровью нити, которые держат мир Поппи, начнут рваться, она рискует потерять не только свое сердце и благословение богов, но и свою жизнь.

Содержание

Об авторе	6
Благодарности	8
Глава 1	11
Глава 2	36
Глава 3	57
Глава 4	82
Глава 5	103
Глава 6	126
Глава 7	147
Глава 8	163
Глава 9	180
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Дженнифер Арментроут

Из крови и пепла

Jennifer Armentrout
From Blood and Ash

Copyright © 2020 by Jennifer L. Armentrout
© Наталия Луц, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021
Cover Design © Hang Le

* * *

Тебе, читатель

Об авторе

Дженнифер – автор бестселлеров по версии New York Times и International Bestselling – живет в Шепердстауне в Западной Виргинии. Все слухи о ней не соответствуют действительности. Когда она не занята работой, то читает, смотрит по-настоящему страшные фильмы о зомби, делает вид, что пишет, и проводит время с мужем, с бывшим полицейским псом Дизелем, шаловливым щенком бордер-джека Аполло, шестью рассудительными альпаками, четырьмя пушистыми овцами и двумя козами.

Мечтать о карьере писателя она начала еще в школе на уроках алгебры, когда большую часть времени писала рассказы... что объясняет ее плохие оценки по математике. Дженнифер пишет мистику для подростков, научную фантастику, фэнтези и современные любовные романы. Ее книги издаются в Tor Teen, Entangled Teen и Brazen, Disney/Hyperion и Harlequin Teen. Passionflix приобрели права на ее роман «Искушение», съемки должны были начаться в конце 2018 года. Остросюжетный любовный роман для подростков «Не оглядывайся» в 2014 году попал в номинацию на лучшую книгу для молодежи по версии YALSA, а роман «Проблема с вечностью» в 2017 году стал победителем RITA Award.

Кроме того, она пишет современные и фантастические

любовные романы для взрослых под псевдонимом Дж. Линн.
Они издаются в Entangled Brazen и HarperCollins.

Благодарности

В 2016 году мы с Лаурой Кей сидели в аэропорту Цинциннати, когда я рассказала ей о замысле «Из крови и пепла». Она первой заявила, что я должна немедленно приступить к работе. Я не приступила. Это высокое фэнтези, я такое раньше никогда не писала. Я твердила себе, что мне нужно время, чтобы убедиться, смогу ли я сделать что-то логичное из этой безумной идеи. Времени я не нашла ни в 2016, ни в 2017, ни в 2018-м. Не нашла, пока не поговорила с Дж. Р. Уорд о книгах, написанных сердцем, – книгах, которые представляют собой не то, что от нас ждут, но которые все равно нужно написать. Эта беседа состоялась в сентябре 2019 года, после нее я набралась смелости и решила, что время пришло. Поэтому посылаю тысячу благодарностей Лауре Кей и Дж. Р. Уорд. Без вас «Из крови и пепла» никогда бы не превратилась из бесплотной идеи в роман.

Но к воплощению книги причастны и другие люди. Бриджит Кеммерер. Когда я рассказала ей о книге, ее восторг придал мне смелости продолжать писать не свойственную для меня вещь. Но Гарем Хоука состоял из двух женщин. Венди Хиггинс, приславшая после прочтения книги самые чудесные и вдохновляющие слова. Джен Фишер, которая влюбилась в Хоука на третьей главе и написала невероятный отзыв. Андреа Джоун, которая слала отзывы размером

со статьи. Все участники группы JLAnders, которые немедленно пожелали отправиться со мной в путешествие и вскочили на борт загадочного дразнящего корабля.

Изначально я планировала издать книгу самостоятельно. На то было множество причин, но две из них особенно важны. Во-первых, я собиралась выпустить книгу как можно быстрее. Во-вторых, я хотела писать и публиковать эту книгу без ожиданий и давления. Но потом я услышала о Blue Vox Press. Зная, какую потрясающую работу они проделали с серией повестей 1001 Dark Nights, я связалась с Лиз Берри. Я понятия не имела, что она подумает, когда рассказывала о романе и о том, каким образом хочу его издавать. Я думала, что она откажет прямо в ходе обсуждения, но она этого не сделала. После первого же телефонного разговора она не только захотела издать книгу, но и, клянусь, еще даже не прочитав ее, придумала маркетинговый план, который соответствовал всем моим пожеланиям. Я поняла, что «Из крови и пепла» попала в хорошие руки. MJ, Лиз, Джиллиан (и Стив Берри), спасибо, что решились вместе со мной на этот неожиданный прыжок. Ваши бесценные восторги, любовь, поддержка и отзывы помогли закончить книгу и довести ее до читателей. Спасибо всей команде: Челль, Джен Уотсон, Ким!

Спасибо за поддержку Саре Дж. Маас. Постараюсь при следующей встрече не слишком сильно гладить тебя по голове. Лекси Блейк, без твоего совета мы бы до сих пор кру-

тили туда-сюда заднюю сторонку суперобложки. Спасибо тебе. И тебе, Ханг Ли, за невероятный талант. Я назвала три предмета: мечи, стрелы и кровавый лес, и по очень короткому описанию у тебя получилась самая изумительная обложка. Ты просто супер. Спасибо Стефани Браун за заботу обо всем и Эрнесто Флуфингтону III за то, что носился над моей головой, как маленький греmlin, пока я работала. Всем рецензентам из JLanders, которые как никто знали, что книга выйдет очень скоро, спасибо, что храните секреты и всегда пишете честные обзоры. Наконец, спасибо ТЕБЕ, читатель, который выберет эту книгу и прочитает ее. Без тебя все это было бы невозможно.

Глава 1

– Вчера вечером возле Кровавого леса нашли Финли. Мертвого.

Я оторвала взгляд от карт и алой поверхности стола и посмотрела на троих мужчин, сидящих напротив меня. Место рядом с ними я выбрала не просто так. Пробираясь между занятыми столами, я... ничего не почувствовала.

Никакой боли – ни физической, ни эмоциональной.

Обычно я не пытаюсь выискивать тех, кому больно. Поступать так без причины – грубое вторжение в личное пространство, но в толпе трудно себя контролировать. Всегда есть кто-то, чья боль глубока и свежа, и эта мука настолько осязаема, что мне даже не нужно отпускать чутье. Я не могу просто проигнорировать и уйти. Человек проецирует свои страдания в окружающий мир.

Мне запрещено что-либо делать, можно только игнорировать. Нельзя никому говорить о даре, которым меня наделили боги, и нельзя его использовать.

Не сказать, что я всегда поступаю как положено.

Само собой.

Но когда я высвободила чутье, чтобы избежать тех, кто испытывает сильную боль, с этими мужчинами все оказалось хорошо. Что удивительно, учитывая их род занятий. Они были гвардейцами с Вала – громадной стены из известняка и

железа, добытого в Райских пиках. Четыреста лет назад, после войны Двух Королей, Валом обнесли всю Масадонию и все города в королевстве Солис. Стенами поменьше окружили деревни, тренировочные лагеря, сельские общины и небольшие города.

Из-за того, что гвардейцам постоянно приходилось видеть и делать, зачастую они сильно страдали – как от ран, так и от того, что болит сильнее поврежденной кожи или задетых костей.

Эти же гвардейцы не только не страдали, но даже не надели броню и униформу. На них были свободные рубашки и штаны из оленьей кожи. Тем не менее я знала: даже теперь они следят, не появятся ли признаки пугающего тумана и приходящего с ним ужаса или же те, кто действует против королевства. Гвардейцы и сейчас были вооружены до зубов.

Как и я.

В ножнах на бедре, под складками плаща и тонкого платья я прятала кинжал, холодная рукоять которого никогда не согревалась теплом моей кожи. Кинжал мне подарили на шестнадцатилетие: из всего моего оружия это не самое смертоносное, зато любимое. Его рукоятка вырезана из кости давно истребленного вольвена – существа, которое было не человеком или зверем, а тем и другим сразу, – а лезвие сделано из кровокамня, наточенного до губительной остроты.

Наверное, я опять совершаю что-то невероятно безрассудное, неподобающее и полностью запрещенное, но я не на-

столько глупа, чтобы войти в заведение вроде «Красной жемчужины» без умения и готовности защитить себя.

– Мертвого? – переспросил другой гвардеец, помоложе, с каштановыми волосами и мягкими чертами лица. Кажется, его зовут Эйррик, и он ненамного старше моих восемнадцати. – Он был не просто мертв. Финли был обескровлен и истерзан, словно на него напали дикие псы и разорвали на куски.

Мои карты расплылись перед глазами, а живот словно заполнили крохотные шарики льда. Дикие псы так не поступают. Не говоря уже о том, что в окрестностях Кровавого леса нет никаких диких псов. Это единственное на свете место, где деревья кровоточат, и их кора и листва становятся багровыми. Ходили слухи о других животных: гигантских грызунах и падальщиках, питающихся телами тех, кто слишком долго пробыл в лесу.

– И ты понимаешь, что это означает, – продолжил Эйррик. – Должно быть, они близко. Нападение...

– Не очень подходящая тема для разговора, – оборвал его гвардеец постарше.

Я его знала. Филлипс Рати. Он прослужил на Валу много лет, что почти неслыханно. Гвардейцы долго не живут.

Он кивнул в мою сторону.

– Здесь леди.

Леди?

Так называют только Вознесшихся, но я тоже не кто-ни-

будь. И я не из тех, кого можно встретить в «Красной жемчужине». Если меня обнаружат... в общем, меня ждут большие неприятности. И взбучка.

Наказание из тех, что обожает устраивать Дориан Тирман, герцог Масадонии. Из тех, на каких обожает присутствовать его ближайший друг, лорд Брендол Мэзин.

Охваченная беспокойством, я посмотрела на темнокожего гвардейца. Филлипс не может знать, кто я. Верхняя часть моего лица скрыта белой полумаской, которую я когда-то нашла в Садах Королевы, и на мне простой светло-голубой плащ. Я его... э... позаимствовала у Бритты, одной из множества замковых служанок, которые болтают о «Красной жемчужине» – а я подслушиваю. Надеюсь, Бритта не обнаружит пропажу до того, как я верну плащ.

Да что там маска! Масадонцев, видевших мое лицо, можно пересчитать по пальцам одной руки, и никого из них сегодня здесь нет.

Поскольку я Дева, Избранная, обычно мои волосы и лицо, кроме губ и подбородка, покрывает вуаль.

Сомневаюсь, что Филлипс мог узнать меня только по губам и подбородку, а если бы и узнал, никто из них сейчас бы здесь не сидел. Меня бы уже тащили, пусть и осторожно, к моим опекунам – герцогу и герцогине Масадонии.

Так что бояться нечего.

Расслабив плечи и шею, я улыбнулась.

– Я не леди. Можете говорить о чем вам угодно.

– Даже если и так, лучше мы сменим тему на менее мрачную, – ответил Филлипс, многозначительно глянув на двух своих товарищей.

Эйррик посмотрел на меня.

– Примите мои извинения.

– Извинения не нужны, но приняты.

Третий гвардеец опустил голову, уткнувшись в свои карты, и повторил извинения. Его щеки порозовели, что показалось мне очень милым. Гвардейцы с Вала проходят тяжелые тренировки, учатся обращаться с любым оружием и бороться врукопашную. Все пережившие первую вылазку за пределы Вала проливали кровь и видели смерть.

И тем не менее этот человек покраснел.

Я прочистила горло, выжидая момента спросить, кто такой Финли: гвардеец с Вала или следопыт из армейского подразделения, члены которого перевозят сообщения между городами и сопровождают караваны. Следопыты по полгода проводят снаружи, вне защиты Вала. Это одно из самых опасных занятий, потому что никогда не ездят в одиночку. Некоторые так и не возвращаются.

К несчастью, те немногие, что все же возвращаются, приходят не такими, как прежде. Смерть неумолимо гонится за ними по пятам.

Они возвращаются проклятыми.

Почувяв, что Филлипс будет обрывать все дальнейшие разговоры, я не стала задавать ни один из вопросов, что так и

просились на язык. Если с Финли были другие и их ранило то, что его убило, я все равно узнаю, так или иначе.

Надеюсь только, что оповестят меня не крики ужаса.

Жители Масадонии понятия не имеют, сколько людей возвращаются из-за Вала проклятыми. Их видят понемногу то тут, то там, но точной численности никто не знает. Иначе население, мало что знающее об ужасах за Валом, наверняка охватила бы паника.

Но мне и моему брату Йену это известно.

Вот почему, когда разговор за столом свернул на более заурядные темы, я усилием воли попыталась растопить лед внутри себя. Чтобы обеспечить безопасность людей внутри Вала, было отдано бесчисленное множество жизней, однако все усилия идут прахом. Не только здесь, но и по всему королевству Солис.

Смерть...

Смерть всегда найдет способ подобраться...

«Стоп», – приказала я себе, когда тревога уже едва не поглотила меня с головой. Не нужно сегодня думать обо всех этих вещах, которых мне, наверное, и знать не следовало. Нужно наслаждаться жизнью, а не лежать одиноко с открытыми глазами всю ночь, не в силах уснуть, чувствуя, что я... что я ничего не контролирую и... и понятия не имею, кто я такая. И что я такое.

Мне опять выпали неудачные карты. Я достаточно играла с Йеном, чтобы понимать: с такими не выкрутиться. Поэтому

я объявила, что выхожу из игры. Гвардейцы кивнули, когда я встала, и пожелали доброго вечера.

Лавируя между столами, я взяла бокал шампанского у слуги в белых перчатках и попыталась вернуть то радостное волнение, что бурлило в моих венах, когда я спешила по улицам в начале вечера.

Осматривая помещение и держа чутье при себе, я размышляла о своем. Даже отбросив тех, кто умудряется наполнять болью воздух вокруг себя, мне не нужно прикасаться к людям, чтобы понять, страдают ли они. Нужно только посмотреть на них и сосредоточиться. Внешний вид человека не меняется, если он испытывает какую-то боль, и не меняется, когда я на нем сосредотачиваюсь. Я просто чувствую его страдание.

Физическая боль почти всегда горячая. А что до неосязаемой боли...

Она почти всегда холодная.

Из размышлений меня выдернули похабные крики и свист. На краю стола рядом с тем, который я покинула, сидела женщина в красном. Наряд из лоскутов атласа и газа едва прикрывал ее бедра. Какой-то мужчина смял в кулаке край прозрачной короткой юбки.

С вызывающей усмешкой оттолкнув его руку, она легла на спину, ее тело чувственно изогнулось. Густые светлые локоны рассыпались по забытым монетам и фишкам.

– Кто хочет сегодня выиграть меня? – произнесла она глу-

боким манящим голосом, скользя ладонями по талии, затянутой в корсет с рюшами. – Поверьте, мальчики, я продержусь дольше, чем любой горшочек с золотом.

– А если будет ничья? – спросил один из мужчин. Модный фасон его одежды говорил о том, что он зажиточный торговец или какой-то делец.

– Тогда ночь для меня станет гораздо более увлекательной.

Она провела рукой по животу, скользнув ниже, между своих...

У меня вспыхнули щеки, и я быстро отвернулась, сделав глоток игристого шампанского. Мой взгляд упал на ослепительно сияющую розово-золотую люстру. Должно быть, дела в «Красной жемчужине» идут хорошо и у хозяев неплохие связи. Электричество стоит дорого, его контролируют герцог с герцогиней. Интересно, многим ли посетителям доступна такая роскошь?

Под люстрой тоже шла игра в карты – и здесь тоже сидели женщины. Их замысловатые высокие прически украшала россыпь кристаллов, а одежда была куда менее смелая, чем у работниц заведения. На посетительницах были яркие лиловые и желтые платья, а также пастельные голубые и сиреневые.

Мне разрешено носить только белое – и у себя в комнате, и на людях, куда я выходила нечасто. Поэтому меня заворожило то, как различные цвета одежды сочетаются с кожей

и волосами. Наверное, я чаще всего похожа на привидение, блуждающее в белом по коридорам замка Тирман.

На этих женщинах тоже были маски, закрывающие половину лица и позволяющие оставаться неузнанными. Мне стало интересно, кто они. Осмелевшие жены, которые слишком часто оставались одни? Незамужние девушки или вдовы? Служанки или городские женщины, у которых выдался свободный вечер? Были ли среди женщин в масках за столом и в толпе леди и лорды-в-ожидании? Явились ли они сюда по тем же причинам, что и я?

От скуки? Из любопытства?

От одиночества?

Если так, то между нами больше сходства, чем я думала, даже если они вторые дочери и сыновья, после тринадцати лет отданные ко двору во время ежегодного Ритуала. А я... я Пенеллаф из замка Тирман, дочь рода Бальфуров, любимица королевы.

Я Дева.

Избранная.

И меньше чем через год, в свой девятнадцатый день рождения, я вознесусь, как все леди и лорды-в-ожидании. Каждому из нас уготовано свое Вознесение, но мое будет самым значительным со времен первого Благословения богов, произошедшего после окончания войны Двух Королей.

Если их поймают, с ними ничего страшного не случится. Если поймают меня... тогда на меня обрушится недоволь-

ство герцога.

Я сжала губы. Во мне разгорался гнев, смешанный с липкими остатками отвращения и стыда.

Герцог скор на расправу и питает нездоровую тягу к наказаниям.

Но о нем я тоже не буду думать. Меня не беспокоит наказание. Иначе я бы просто вернулась в свои покои.

Оторвав взгляд от стола, я заметила улыбающихся и смеющихся женщин без масок, не прячущих свои лица. Они сидели за столами с гвардейцами и торговцами, стояли в затененных нишах и разговаривали с женщинами в масках, мужчинами и работницами «Красной жемчужины». Они не стыдились и не боялись того, что их все видят.

Кем бы они ни были, у них есть свобода, которой я сильно завидую.

Независимость, которой я искала сегодня, – ведь я в маске, и никто, кроме богов, не знает, что я здесь. А что касается богов, то я давно решила, что у них есть дела поважнее, нежели наблюдать за мной. Иначе они уже призвали бы меня к ответу за множество поступков, которые мне запрещались.

А значит, сегодня вечером я могу быть кем угодно.

Свобода пьянила гораздо сильнее, чем я представляла. Даже больше, чем незрелый мак – курильщиков.

Сегодня я не Дева. Не Пенеллаф. Я просто Поппи – это уменьшительное имя придумала мама, а теперь меня так называют только брат Йен и немногие близкие.

Для Поппи не существует строгих правил, от нее ничего не ждут, в ее будущем нет Вознесения, которое приближается быстрее, чем могу к нему подготовиться. Ни страха, ни прошлого, ни будущего. Сегодня вечером я могу пожить в свое удовольствие хотя бы пару часов, получить как можно больше впечатлений, прежде чем вернуться в столицу, к королеве.

Прежде чем меня отдадут богам.

По спине пробежали мурашки – неуверенность и немного отчаяния. Я не дала им разрастись. Бессмысленно заикливаться на том, чего не изменить.

Кроме того, Йен вознесся два года назад и, судя по ежемесячным письмам, остался таким же, как был. Разница только в том, что он не рассказывает свои байки вслух, а пишет в письмах. В прошлом месяце он поведал о двух детях, брате и сестре, которые заплыли на дно моря Страуд и подружились с водным народом.

Я улыбнулась и подняла бокал с шампанским. Понятия не имею, как он все это сочиняет. Насколько мне известно, заплыть на дно моря Страуд невозможно и водного народа не существует.

Вскоре после Вознесения он по приказу короля и королевы женился на леди Клаудии.

Йен никогда не рассказывал о жене.

Счастлив ли он вообще в браке? Моя улыбка увяла, и я опустила взгляд на шипучее розоватое вино. Кажется, до

свадьбы они были едва знакомы. Как долго нужно знать человека, с которым предстоит провести всю жизнь?

А Вознесшиеся живут очень, очень долго.

Все еще странно думать о Йене как о Вознесшемся. Он не второй сын, но из-за того, что я Дева, королева попросила богов сделать редкое исключение из естественного порядка и позволить ему вознестись. Я же избавлена от подобной участи: брака с незнакомцем, другим Вознесшимся, уверенным, что превыше всего желает красоты, потому что привлекательность божественна.

И хотя я Дева, Избранная, меня никогда не сочтут божественной. Герцог уверяет, что я некрасива.

Что я – трагедия.

Я невольно потрогала жесткое кружево маски и тут же отдернула руку.

Мужчина, в котором я признала гвардейца, поднялся из-за стола и повернулся к женщине в белой, как у меня, маске. Он протянул ей руку, что-то тихо сказав, она с улыбкой кивнула и вложила свою ладонь в его. Она встала, сиреневая юбка заструилась вокруг ее ног. Мужчина повел ее к двум единственным дверям, доступным для гостей: одна на выход, другая – в смежные помещения. Правая выходила наружу. Левая – к лестнице наверх, в более уединенные комнаты, где, по словам Бритты, всякое случается.

Гвардеец повел женщину в маске через левую дверь.

Он спросил. Она ответила да. Чем бы они ни занимались

наверху, это будет по обоюдному согласию. Независимо от того, продлится это пару часов или целую жизнь.

Я долго смотрела на закрывшуюся дверь. Неужели это еще одна причина, по которой я сюда пришла? Испытать удовольствие с кем-то по своему выбору?

Я могла бы, если бы захотела. Я слышала, как беседуют между собой леди-в-ожидании, от которых не требуют оставаться нетронутыми. По их словам... для женщины есть множество способов получить удовольствие, сохранив непорочность.

Непорочность?

Я терпеть не могу это слово и его значение. Как будто девственность определяет мою божественность, мою невинность; как будто ее наличие или отсутствие каким-то образом важнее, чем сотни выборов, которые я делаю каждый день.

В глубине души мне даже интересно, что сделают боги, если я приду к ним не девой. Будут ли они рассматривать все остальные мои деяния или отвернутся от них только потому, что я больше не девственница?

Не знаю, но надеюсь, что это не так. Не потому, что я собираюсь заняться сексом сейчас, или на следующей неделе, или... вообще когда-нибудь, а потому что хочу иметь возможность делать такой выбор.

Хотя я не уверена, что мне когда-либо подвернется такая возможность. Но здесь, в «Красной жемчужине», наверняка

найдутся желающие поучаствовать в том, о чем говорили ле-
ди-в-ожидании.

Сердце нервно затрепетало, и я заставила себя выпить еще шампанского. Сладкие пузырьки защекотали горло и немного смягчили внезапную сухость во рту.

По правде говоря, решение отправиться на поиски приключений было спонтанным. Обычно по ночам мне не спится почти до рассвета. А когда я засыпаю, то почти жалею об этом. Только на этой неделе я трижды просыпалась от кошмаров, и мои крики звенели в ушах. А когда кошмары являются вот так, один за другим, они очень похожи на предзнаменование. Предупреждающе кричит инстинкт, похожий на мою способность чувствовать боль.

Сделав неглубокий вдох, я оглянулась. Женщины в красном на столе уже не было: она сидела на коленях торговца, который спрашивал, что случится, если выиграют двое. Он рассматривал свои карты, но его рука была там, где раньше ее собственная. Глубоко меж ее бедер.

Ну и ну!

Прикусив губу, я бросилась прочь, пока мое лицо не запылало огнем. В соседнее помещение, частично отделенное стеной. Здесь тоже играли.

И здесь тоже нашлись гвардейцы. Некоторых я даже узнала – они из королевской гвардии, такие же солдаты, как и те, что служат на Валу, только эти защищают Вознесшихся. У Вознесшихся есть личная охрана, потому что бывали слу-

чаи, когда членов двора похищали ради выкупа. Им обычно не причиняли серьезного вреда, но были похищения и по совершенно другим, более жестоким причинам.

Я стояла возле горшка с листовным растением, которое щеголяло крохотными красными почками, и не знала, что делать дальше. Можно присоединиться к другой карточной игре или завести беседу с кем-то из множества посетителей, бездельничающих вокруг столов, но у меня плохо получается болтать о пустяках с незнакомцами. Я наверняка ляпну какую-нибудь глупость или задам случайный вопрос не по теме. Так что это не вариант. Полагаю, пора вернуться в свои покои. Час уже поздний и...

Меня охватило странное ощущение. Начавшись как покалывание в затылке, оно с каждой секундой усиливалось.

Как будто за мной наблюдают.

Осмотревшись, я не заметила, чтобы кто-нибудь обращал на меня пристальное внимание. Но я ожидала увидеть кого-то совсем рядом – настолько мощным было ощущение слежки. Меня охватило беспокойство. Я было повернулась к выходу, и тут слева раздался негромкий, протяжный звук какого-то струнного инструмента. Мой взгляд упал на прозрачный кроваво-красный занавес, который слегка раскачивался от движений посетителей.

Я застыла, прислушиваясь к нарастающему и ослабевающему темпу, к которому вскоре присоединился тяжелый бой барабанов. Я забыла, что за мной наблюдают. Забыла о мно-

гом. Эта музыка... ничего подобного я раньше не слышала. Она становилась глубже и мощнее. Замедлялась, а потом ускорялась. Это было... чувственно. Что там служанка Бритта говорила о танцах в «Красной жемчужине»? Она понизила голос, когда речь зашла о них, а ее слушательницы выглядели шокированными.

Пробираясь вдоль стены, я приблизилась к занавесу и протянула руку, чтобы сдвинуть его...

– Не ходи туда.

Вздрогнув, я обернулась. Позади меня стояла женщина – одна из леди, работающих в «Красной жемчужине». Я ее узнала. Когда я только что пришла, она стояла под руку с торговцем или дельцом, но запомнилась мне из-за её потрясающей красоты.

Густые иссиня-черные кудри, кожа насыщенного коричневого цвета. На ней было красное платье без рукавов, с низким вырезом, и ткань струилась вдоль ее тела, точно вода.

– Простите? – Я опустила руку, не зная, что еще сказать. – Почему нет? Там же просто танцуют?

– Просто танцуют? – Она посмотрела поверх моего плеча на занавес. – Некоторые говорят, что танцевать – это заниматься любовью.

– Я... Я такого не слышала.

Я медленно оглянулась. Сквозь занавес проступали очертания тел,двигающихся под музыку с завораживающей текучей грацией. Некоторые танцевали в одиночку, их изгибы

и формы были отчетливо видны, тогда как другие...

Я резко втянула воздух и опять повернулась к женщине.

Ее ярко накрашенные губы изогнулись в улыбке.

– Ты здесь впервые, правда?

Я открыла рот, чтобы возразить, но ощутила, как жар растекается по всей видимой части моего лица. Одно только это выдало меня с головой.

– Это так очевидно?

Она рассмеялась грудным смехом.

– Не для всех. Но для меня очевидно. Раньше я тебя здесь не видела.

Я потрогала маску, чтобы убедиться, что она не съехала.

– Откуда ты знаешь?

– У тебя хорошая маска.

Странный понимающий блеск мелькнул в ее глазах. Они золотисто-карие, не цвета лесного ореха – оттенок золота слишком яркий и теплый. Она напомнила мне другого человека с глазами глубокого лимонного цвета.

– Я узнаю лица, даже если они скрыты полумаской. А твое я никогда раньше не видела. Ты здесь впервые.

Я понятия не имела, что ответить.

– И для «Красной жемчужины» такое тоже впервые. – Она наклонилась ко мне, понизив голос. – В эти двери еще никогда не входила Дева.

Меня захлестнуло потрясение, и я крепче сжала скользкий бокал с шампанским.

– Не знаю, о чем ты. Я вторая дочь...

– Ты подобна второй дочери, но не так, как тебе хотелось, – оборвала она и слегка прикоснулась к моей руке, прикрытой плащом. – Все хорошо. Бояться нечего. Я сохраню твой секрет.

Я целую минуту таращилась на нее, прежде чем ко мне вернулся дар речи.

– Если бы это была правда, зачем хранить такой секрет?

– А почему бы нет? Чего я добьюсь, если кому-нибудь расскажу?

– Заслужишь благосклонность герцога и герцогини.

Мое сердце заколотилось.

Ее улыбка исчезла, а взгляд стал жестким.

– Мне не нужна благосклонность Вознесшихся.

Она произнесла это так, словно я предложила ей получить благосклонность навозной кучи. Я почти поверила. Но никто в королевстве не станет упускать шанс заслужить почести от Вознесшихся, разве что...

Разве что люди, которые не признают королеву Илеану и короля Джалару законными правителями. Которые поддерживают того, кто называет себя принцем Кастилом, истинным наследником королевства.

Вот только он не принц и не наследник. Он всего лишь остаток Атлантии, развращенного королевства, павшего в конце войны Двух Королей. Монстр, сеющий хаос и кровопролитие. Воплощение чистого зла.

Он Темный.

И тем не менее есть люди, что поддерживают его притязания. Последователи, которые устраивают мятежи и стоят за исчезновением многих Вознесшихся. В прошлом Последователи только вызывали беспорядки мелкими собраниями и протестами, и даже тогда их было очень мало – благодаря наказаниям, которым подвергались все, в ком подозревали Последователей. Суды даже не созывали. Второго шанса не давали. Никаких тюремных сроков. Только смерть – быстрая и бесповоротная.

Но в последнее время все изменилось.

Многие считали Последователей виновными в загадочных смертях высокопоставленных королевских гвардейцев. Несколько гвардейцев в столице – Карсодонии – неожиданно упали с Вала. Двоих убили стрелами в затылок в Пенсдурте, небольшом городе близ столицы на побережье моря Страуд. Другие просто пропали, хотя в маленьких деревнях никогда ничего не видели и не слышали.

Всего несколько месяцев назад вспыхнуло жестокое восстание в Триречье – многолюдном торговом городе за Кровавым лесом. Дворец Золотого Полумесяца, королевскую резиденцию в Триречье, мятежники сожгли и сровняли с землей вместе с храмами. Герцог Эвертон погиб в пожаре вместе с множеством слуг и стражников. Герцогине Триречья удалось сбежать только чудом.

Среди Последователей были не только атлантианцы,

скрывающиеся среди народа Солиса. Некоторые сторонники Темного не имели и капли атлантианской крови в жилах.

Я одарила красавицу пристальным взглядом. Может ли она быть Последовательницей? Я не понимаю, как можно поддерживать павшее королевство – неважно, насколько тяжело живется Последователям и как они несчастны. И это при том, что атлантианцы и Темный виновны в появлении тумана и того кошмара, что нагноился внутри него. Кошмара, который, скорее всего, убил Финли и забрал бесчисленное количество жизней, в том числе моих родителей. Да и мое тело избородили шрамы после столкновения с ужасом, пришедшим из тумана.

На миг отбросив подозрения, я открылась, чтобы почувствовать, нет ли внутри женщины какой-нибудь большой боли – не физической, а от горя или ожесточения. Боли того рода, что заставляет совершать страшные поступки, чтобы смягчить страдание.

Ничего подобного от нее не исходит.

Но это еще не означает, что она не Последовательница.

Женщина склонила голову набок.

– Я уже сказала, что тебе нечего меня опасаться. Что же до него... Это другое дело.

– До него? – переспросила я.

Она отодвинулась в сторону. Входная дверь отворилась, и внезапный порыв холодного воздуха возвестил о прибытии новых посетителей. Вошел мужчина, а за ним джентльмен

постарше с песочного цвета волосами и обветренным загорелым лицом...

Я недоверчиво вытаращила глаза. Это был Виктер Уордвелл. Что он делает в «Красной жемчужине»?

Передо мной всплыли мысленные образы полуобнаженных женщин в коротких платьях, и я подумала о том, зачем сюда пришла. У меня расширились глаза.

О боги!

Я больше не хотела думать о цели его визита. Виктер – бывалый королевский гвардеец, давно разменявший четвертый десяток, однако для меня он не просто гвардеец. Кинжал у меня на бедре – его подарок. Это он нарушил обычай и научил меня не только обращаться с кинжалом, но и держать меч, поражать стрелой невидимую цель... даже драться без оружия и уложить мужчину вдвое крупнее меня.

Виктер мне как отец.

Кроме того, он мой личный охранник с тех пор, как я прибыла в Масадонию. Хотя он не единственный мой телохранитель. Он делит обязанности с Риланом Килом, который заменил Ханнеса, умершего во сне менее года назад. Я не ожидала потерять тридцатилетнего, пышущего здоровьем Ханнеса. Целители сочли, что у него была какая-то неизвестная болезнь сердца. И все же трудно представить, как можно лечь спать здоровым и не проснуться.

Рилан понятия не имеет, что я так хорошо обучена, но знает, что я умею обращаться с кинжалом. Он не осведом-

лен, куда мы с Виктером так часто исчезаем из замка. Он добрый и беззаботный, но мы с ним не настолько близки, как с Виктером. Если бы сюда пришел Рилан, я бы с легкостью ускользнула.

– Проклятье, – выругалась я, разворачиваясь и накидывая на голову капюшон.

У меня очень заметные волосы цвета каленой меди, но даже спрятав их и полностью закрыв лицо, я рискую: Виктер все равно может меня узнать. Он обладает шестым чувством, присущим только родителям, которые всегда знают, если их дитя попало в беду.

Я глянула на выход, и у меня внутри все сжалось: Виктер сидел лицом к двери – единственному выходу.

Чем я прогневила богов?

А они гневаются, потому что он, несомненно, меня увидит. Не выдаст, но я предпочла бы залезть в яму с тараканами и пауками, чем попытаться объяснить именно ему, что я делаю в «Красной жемчужине». А потом будут нотации. Не те речи и наказания, на которые горазд герцог, а такие, что проникают под кожу и много дней заставляют чувствовать себя ужасно.

В основном потому, что тебя поймали на проделках, которые заслуживают порицания.

И, честно говоря, я не хотела видеть лицо Виктера, когда он узнает, что я его здесь обнаружила. Я еще раз глянула украдкой и...

О боги! Рядом с ним на коленях стоит женщина, держа руку на его ноге!

Я готова выцарапать себе глаза.

– Это Сария, – объяснила красавица. – Как только он приходит, она спешит к нему. Думаю, она по нему сохнет.

Я медленно перевела взгляд на собеседницу.

– Он часто сюда приходит?

Она усмехнулась уголком губ.

– Достаточно часто, чтобы знать, что происходит за красным занавесом и...

– Довольно, – оборвала я. Теперь мне нужно выцарапать себе и мозги. – Больше не хочу ничего слышать.

Она негромко рассмеялась.

– У тебя такой вид, словно ты нуждаешься в убежище. И да, в «Красной жемчужине» такой вид легко распознать. – Она ловко забрала у меня шампанское. – Вверх по лестнице, там есть незанятые комнаты. Попробуй открыть шестую слева. Там ты найдешь убежище. Я приду за тобой, когда минует опасность.

Я поймала ее взгляд, и во мне зародилось подозрение. Все же я позволила ей взять меня под руку и увести наверх.

– Почему ты мне помогаешь?

Она открыла дверь.

– Потому что всем нужно немного пожить в свое удовольствие, пусть и всего пару часов.

Я остолбенела и разинула рот: она повторила то, о чем я

думала несколько минут назад.

Подмигнув, она закрыла дверь.

Не случайно она поняла, кто я. Она озвучила мои мысли? Это невозможно. С моих губ сорвался нервный смешок. Эта женщина могла быть Последовательницей или, по крайней мере, не поклонницей Вознесшихся. Но также она могла быть ясновидящей.

Я не думала, что они еще остались.

Я никак не могла поверить, что Виктер здесь и что он приходит сюда достаточно часто, чтобы его полюбила одна из леди в красном. Не знаю, почему я так удивилась. Не то чтобы королевским гвардейцам запрещено искать удовольствий и даже жениться. Многие из них... довольно распушены, поскольку их жизни полны опасностей и зачастую слишком коротки. Но у Виктера была жена, умершая родами вместе с ребенком задолго до того, как я с ним познакомилась. Он по-прежнему любил Камилию так же сильно, как в те времена, когда она была жива.

Но ведь то, что он может найти здесь, не имеет ничего общего с любовью? И всем бывает одиноко, даже тем, чье сердце кем-то занято. Не важно, живым или мертвым.

Слегка опечаленная этими мыслями, я повернулась к узкой лестнице, освещенной масляными светильниками, и тяжело вздохнула.

– Во что я ввязалась?

Только боги знают. И пути назад нет.

Поднимаясь на второй этаж, я просунула руку под плащ, поближе к рукоятке кинжала. Коридор оказался широким и на удивление тихим. Не знаю, чего я ожидала, но мне показалось... я что-то слышу.

Качая головой, я отсчитала шестую дверь слева. Взавшись за ручку, обнаружила, что она не заперта. Начала было открывать дверь, но остановилась. Что я делаю? За дверью меня может поджидать кто-то или что-то. Та женщина внизу...

Отворилась соседняя дверь, и послышался мужской смешок. Я в панике бросилась в комнату и закрыла за собой дверь.

Чувствуя, как колотится сердце, я огляделась. Светильников здесь не было, только канделябр со свечами на каминной полке. Возле пустого камина стоял диванчик. Даже не оглядываясь, я знала, что из мебели здесь должна быть еще кровать. Я сделала глубокий вдох, уловив аромат свечей. Корица? И еще что-то, напомнившее специи и хвою. Я начала поворачиваться...

Мою талию обвила рука, и я оказалась прижата к очень твердому и очень мужскому телу.

– Вот это неожиданность, – произнес глубокий голос.

Глава 2

Застигнутая врасплох, я подняла голову. Совершила ошибку, от которой предостерегал меня Виктор. Надо было схватить кинжал, а я просто стояла, в то время как мою талию сжали еще крепче, и ладонь мужчины легла на бедро.

– Какой приятный сюрприз.

Я вышла из ступора и резко развернулась к нему. Мой капюшон оставался на месте, а рука потянулась к кинжалу. Я подняла взгляд выше, еще чуть выше...

О боги!

Увидев его лицо в приглушенном свете свечей, я потрясенно застыла, утратив способность соображать.

Я знала, кто это, хотя никогда с ним не говорила.

Хоук Флинн.

Гвардейца с Вала, прибывшего несколько месяцев назад из Карсодонии – столицы, знали все в замке Тирман. И я не исключение.

Я хотела солгать самой себе и сказать, что это из-за его поразительного роста – он почти на фут выше меня. Или потому что он двигался с хищной, текучей грацией большого серого пещерного кота из тех, что обитают в Пустошах. Однажды в детстве я видела такого во дворце королевы. Страшное дикое животное сидело в клетке, и меня в равной степени очаровало и ужаснуло то, как оно расхаживало взад-впе-

ред в тесном пространстве. Я не раз видела, как Хоук расхаживает так же, словно он тоже зверь в клетке. А может, из-за властности, исходящей от него, хотя он не намного взрослее меня – может, ровесник моего брата или на год-два старше. Или же причиной было мастерство владения мечом. Однажды утром я вместе с герцогиней стояла на одном из многочисленных балконов замка Тирман, глядя вниз на тренировочный двор; она рассказала, что Хоук приехал из столицы с блестящими рекомендациями и может стать одним из самых молодых королевских гвардейцев. Ее взгляд был прикован к скользким от пота предплечьям Хоука.

Как и мой.

После его прибытия я не раз пряталась в темных нишах, наблюдая, как он тренируется с другими гвардейцами. Кроме тренировок я видела его только на еженедельных заседаниях Городского Совета в Большом зале.

А может, мой интерес был вызван только тем, что Хоук... что ж, он прекрасен.

О мужчинах такое редко говорят, но я не могу придумать другого слова, чтобы его описать. У него темные густые волосы, которые завитками ложились на шею и спадали на такие же темные брови. Черты его лица заставляли меня отчаянно жалеть, что я не владею кистью или карандашом. Высокие и широкие скулы, удивительно прямой для гвардейца нос: многим из них его ломали хоть раз. Твердый квадратный подбородок и четко очерченные губы. Я несколько раз

видела, как он улыбается: правый уголок губ приподнимался и появлялась глубокая ямочка. Не знаю, есть ли у него такая и на левой щеке. Но привлекательнее всего были его глаза.

Они напоминали холодный мед – удивительный цвет, какого я раньше не видела, и у него была манера смотреть так, что чувствуешь себя раздетой. Я знала это, потому что ощущала его взгляд во время Советов в Большом зале, хотя он никогда не видел моего лица. Уверена, он обратил на меня внимание потому, что я была первой Девой за многие века. Когда я выхожу на публику, на меня всегда пялятся, будь то гвардейцы, лорды и леди-в-ожидании или простой люд.

А может, я просто вообразила его пристальный взгляд, тайно желая, чтобы он испытывал ко мне такой же интерес, как я к нему.

Возможно, это и все причины, почему я им заинтересовалась, но была еще одна, в которой я немного стеснялась признаться.

Увидев его, я умышленно потянулась к нему чутьем. Я знала, что стоит так поступать без веской причины. Вторжение ничем нельзя оправдать. Даже желанием любопытствовать, что заставляет его так часто расхаживать, словно кот в клетке.

Хоук всегда испытывал боль.

Не физическую. Эта была глубже и ощущалась как острые льдинки на коже. Свежая и непрекращающаяся. Но страдание, следующее за ним как тень, похоже, не могло взять над

ним верх. Если бы я не прозондировала, то никогда бы этого не почувствовала. Каким-то образом он держал эту боль под контролем, и я не знала больше никого, способного на такое.

Даже среди Вознесшихся.

Но я никогда ничего не чувствовала от них, хотя знала, что физическая боль им знакома. Мне следовало искать их общества: с ними я могу не беспокоиться, что уловлю отголоски чужой боли, но мне это, наоборот, казалось жутким.

– Не ждал тебя сегодня, – заговорил Хоук и одарил меня своей полуулыбкой, не показывающей зубы и не затрагивающей глаза. На правой щеке появилась ямочка. – И пары дней не прошло, сладенькая.

Сладенькая?

Я заморгала, разинула рот и тут же захлопнула: до меня начало доходить. Он принял меня за другую! За ту, с кем наверняка встречался здесь раньше. Я посмотрела на свой позаимствованный плащ. Он был довольно заметным – светло-голубой, отороченный белым мехом.

Бритта.

Он принял меня за Бритту?

Мы с ней примерно одного роста – чуть ниже среднего, а плащ скрыл мою фигуру, и близко не такую тоненькую, как у нее. Как бы я ни старалась, я никак не могла добиться такой стройности, как у герцогини Тирман или некоторых других леди.

Внезапно, каким-то крошечным тайным уголком моей ду-

ши, я... разочаровалась, даже немного позавидовала хорошенькой горничной.

Я окинула взглядом Хоука. Он был в черной тунике и штанах, которые все гвардейцы носят под броней. Пришел сюда сразу после дежурства? Рядом с диванчиком стоял маленький столик, на нем – два бокала. До моего прихода Хоук был не один. Еще с кем-то? Кровать позади него заправлена, и не похоже, что на ней... спали.

Что делать? Развернуться и бежать? Это было бы странно. Он наверняка спросит об этом Бритту, но как только я незаметно верну плащ и маску, окажусь вне подозрений.

Но если Виктор все еще внизу, что очень вероятно, и красавица тоже...

О боги, она же ясновидящая. Как подсказывала мне интуиция, она знала, что эта комната занята. И послала меня сюда намеренно. Знала ли она, что здесь Хоук и что, вероятно, он примет меня за Бритту?

В это трудно поверить.

– Пенс сказал тебе, что я здесь? – спросил он.

У меня перехватило дыхание, а сердце заколотилось по ребрам, как молот. Наверное, Пенс – это гвардеец с Вала, ровесник Хоука. Блондин, насколько я помню, но внизу я его не видела. Я покачала головой.

– Тогда ты за мной следила? Шла за мной? – Он негромко поцокал языком. – Мы об этом еще поговорим.

В его голосе прозвучала странная угроза, отчего у меня

создалось впечатление, будто он вовсе не рад тому, что Бритта шла за ним.

– Но, наверное, не сегодня. Ты такая странно тихая, – заметил он. Насколько я знала Бритту, та не отличалась застенчивостью.

Но как только я заговорю, он поймет, что я не горничная, и я... я не готова к тому, что он это обнаружит. Не знаю, к чему я вообще готова. Я больше не держалась за кинжал и не знала, что это означает. Знала только, что мое сердце по-прежнему бешено колотится.

– Ну и обойдемся без разговоров.

Он взялся за подол туники и, прежде чем я сделала очередной вдох, стянул ее через голову и бросил в сторону.

Мои губы раздвинулись, а глаза расширились. Мне доводилось видеть мужские торсы, но не Хоука. Мускулы, которые играли под тонкими рубашками, в каких тренировались гвардейцы, теперь были выставлены напоказ. Он широк в груди и плечах и весь состоял из мышц, развитых годами усиленных тренировок. Легкая поросль волос ниже пупка исчезала под штанами. Мой взгляд опустился еще ниже, и сердцебиение вернулось, теперь уже другого рода, отчего не только запылала кожа, но и закипела кровь.

Даже в свете свечей я видела, какие тесные у него штаны, как они облегают тело, не оставляя простора воображению.

А воображение у меня богатое, спасибо леди за их любовь поболтать. И моей любви подслушивать.

Внизу живота возникло странное ощущение. Оно не было неприятным. Вовсе нет. Теплым и покалывающим, словно мой первый глоток шипучего шампанского.

Хоук шагнул ко мне, и я напряглась, желая убежать прочь, но усилием воли удержала себя на месте. Нужно отступить. Нужно заговорить и дать понять, что я не Бритта. Нужно немедленно уходить. То, как он крался ко мне, как его длинные ноги сокращали расстояние между нами, говорило о его намерениях, даже если бы он не снял тунику. И хотя у меня было мало опыта – ладно, вообще не было, – я заведомо знала, что если он доберется до меня, то прикоснется. Он даже может сделать больше. Может меня поцеловать.

А это запрещено.

Я – Дева, Избранная. Не говоря уже о том, что он принял меня за другую и что до моего прихода он наверняка был еще с кем-то. Не обязательно, однако он вполне мог.

Я по-прежнему не двигалась и молчала.

Я ждала, и сердце мое билось так быстро, что я ослабела. Руки и ноги начали слегка дрожать.

А я никогда не дрожала.

«Что ты делаешь?» – прошептал здравомыслящий, рассудительный голос в моей голове.

«Живу», – прошептала я в ответ.

«Совершаешь невероятную глупость», – возразил голос.

Так и было, но я не двигалась с места.

С обостренными чувствами я наблюдала, как Хоук оста-

новился передо мной, поднял руки и взялся за мой капюшон сзади. На мгновение мне показалось, что он его снимет и загадка будет решена, но этого не произошло. Он сдвинул капюшон назад всего на пару дюймов.

– Не знаю, во что ты сегодня играешь. – Его глубокий голос прозвучал хрипло. – Но хочу разобраться.

Другой рукой он обвил мою талию. Я ахнула, когда он прижал меня к груди. Ничего похожего на короткие объятия Виктера. Никогда мужчина не держал меня так. Между нами не осталось и дюйма. Прикосновение всколыхнуло все мои чувства.

Он поднял меня на цыпочки, а потом мои ноги оторвались от пола. Его сила ошеломляла – я ведь далеко не пушинка. Ошарашенная, я положила ладони ему на плечи. Жар его твердой кожи словно прожег мои перчатки, плащ и тонкое белое платье, в котором я обычно спала.

Он наклонил голову, и я ощутила на губах тепло его дыхания. По спине пробежал трепет предвкушения, и тут же меня охватила неуверенность. Сейчас не время для борьбы двух противоречивых чувств. Он повернулся и шагнул вперед с той же кошачьей грацией. Спустя два прерывистых удара сердца он уложил меня на спину. Его хватка была крепкой, но осторожной, как будто он знал о своей силе. Он лег на меня, по-прежнему держа одну руку у меня на затылке, навалился всем своим весом, вжимая в кровать, и его губы накрыли мои.

Хоук поцеловал меня.

Ничего сладкого и мягкого – не таким я представляла поцелуй. Он оказался жестким, ошеломляющим и требовательным. Когда я резко втянула воздух, Хоук воспользовался этим и углубил поцелуй. Его язык прикоснулся к моему, испугав меня. Внутри поднялась паника, но возникло и кое-что еще, нечто более мощное – удовольствие, какого я раньше не испытывала. Вкус поцелуя был как золотистый ликер, который я когда-то тайком пробовала, и движения его языка отзывались во всем моем теле. Это и дрожь, пробежавшая по коже, и непонятная тяжесть в груди, и странное ощущение под пупком и еще ниже. Внезапная пульсация между ног. Я содрогнулась, мои пальцы вжались в его плоть, и я пожалела, что на мне перчатки – хотелось коснуться его кожи, и я сомневалась, что смогу уловить его ощущения. Он наклонил голову, и я почувствовала касание странно острых...

Без предупреждения он прервал поцелуй и поднял голову.
– Ты кто такая?

Мои мысли путались, кожа гудела. Я медленно открыла глаза. Темные волосы падали ему на лоб. Черты его лица приглушал неяркий мерцающий свет, но мне показалось, что его губы припухли. Как, наверное, и мои.

Слишком быстро, чтобы я успела заметить, Хоук сбросил капюшон, открыв мое лицо в маске. Он вскинул брови. Туман в моих мыслях начал рассеиваться. Сердце заколотилось уже по другой причине, хотя губы еще горели от поцелуя.

Моего первого поцелуя.

Взгляд золотистых глаз Хоука переместился на мою голову, и он убрал руку из-под моей шеи. Я напряглась, когда он приподнял прядь моих волос. В свете свечей они заблестели красно-коричневым. Хоук склонил голову набок.

– Определенно ты не та, за кого я тебя принял, – пробормотал он.

– Как ты узнал? – выпалила я.

– Потому что когда я последний раз целовал хозяйку этого плаща, она чуть не втянула мой язык себе в горло.

– О, – прошептала я.

Мне тоже надо было так сделать? Не похоже, что это было бы приятно.

Он изучающе уставился на меня, по-прежнему наполовину лежа на мне. Одну ногу он просунул между моими ногами, и я понятия не имела, когда это произошло.

– Ты когда-нибудь целовалась?

Мое лицо вспыхнуло. О боги, это так очевидно?

– Конечно!

Он усмехнулся краем рта.

– Ты всегда лжешь?

– Нет! – сразу солгала я.

– Лгунья, – пробормотал он поддразнивающе.

Смущение, затопившее меня, смыло все удовольствие – как будто меня окатили ледяным дождем. Я уперлась руками в его голую грудь.

– Слезь с меня.

– Сейчас.

От того, как он это произнес, я прищурилась.

Хоук рассмеялся. Я... я впервые услышала его смех. Когда я видела его в зале, он был спокоен и суров, как и большинство гвардейцев, а во время тренировок замечала на его лице только усмешку. Но никогда не слышала, чтобы он смеялся. Я вообще не была уверена, что он может смеяться при такой затаенной боли.

Но сейчас он смеялся, и этот смех казался таким настоящим, искренним и приятным. Он прокатился по моему телу волной до самых кончиков пальцев на ногах.

До меня потихоньку дошло, что я впервые слышу от Хоука столько слов. Он говорил с легким мелодичным акцентом. Определить этот акцент мне не удалось, но я же бывала только в столице и здесь, и не так уж много людей говорили со мной. И поблизости от меня, если знали, что я рядом. Этот акцент мог быть самым обычным.

– Тебе правда нужно слезть, – сказала я, хотя мне нравилось ощущать его вес.

– Мне здесь вполне удобно, – заметил он.

– Ну а мне нет.

– Скажешь, кто ты, принцесса?

– Принцесса? – повторила я.

Во всем королевстве не было принцесс и принцев – за исключением Темного, который сам назвал себя так. Не было

со времен правления Атлантии.

– Ты такая требовательная. – Он пожал плечом. – Принцессы представляются мне требовательными.

– Я не требовательная, – заявила я. – Слезай.

Он выгнул бровь.

– Правда?

– Если я прошу тебя слезть, это не значит, что я требовательная.

– С этим можно поспорить... Принцесса.

Мои губы изогнулись в ироничной усмешке, но мне удалось превратить ее в улыбку.

– Не надо меня так называть.

– Тогда как же мне тебя называть? Может, по имени?

– Я... У меня... нет имени.

– «Нет имени»? Что за странное имя. И девушки с такими именами имеют привычку носить чужую одежду?

– Я не девушка, – огрызнулась я.

– Надеюсь, что нет. – Он изогнул уголки губ. – Сколько тебе лет?

– Достаточно, чтобы находиться здесь, если тебя это волнует.

– Другими словами, достаточно взрослая, чтобы переодеться в кого-то, позволить принять тебя за другую и поцеловать...

– Я тебя поняла, – оборвала я. – Да, я достаточно взрослая для всего этого.

Он поднял бровь.

– Я скажу тебе, кто я, хотя мне кажется, что ты уже знаешь. Я Хоук Флинн.

– Привет, – ответила я, чувствуя себя душой.

Ямочка на его правой щеке стала глубже.

– Теперь твоя очередь назвать свое имя.

Мои губы не шевельнулись.

– Тогда мне придется по-прежнему называть тебя принцессой.

Его глаза теперь потеплели, и мне захотелось проверить, не пропала ли его боль, но я смогла удержаться. Наверное, боль ушла. Если так...

– По крайней мере, скажи, почему не остановила меня, – произнес он прежде, чем я уступила любопытству и потянулась своим чутьем.

Я понятия не имела, что отвечать, когда я сама себя не вполне понимаю.

Уголок его рта дернулся вверх.

– Уверен, что не только из-за моей обезоруживающей внешности.

Я сморщила нос.

– Ну разумеется.

Он опять издал короткий удивленный смешок.

– Похоже, ты только что меня оскорбила.

Я с досадой поморщилась.

– Я не хотела...

– Ты меня ранила, принцесса.

– Я в этом сильно сомневаюсь. Ты более чем хорошо осведомлен о своей внешности.

– Да. Из-за нее немало людей сделали сомнительный жизненный выбор.

– Тогда почему ты говоришь, что оскорблен?..

Осознав, что он меня дразнит, и чувствуя себя дурой от того, что не сразу это поняла, я снова попыталась оттолкнуть его.

– Ты все еще лежишь на мне.

– Знаю.

Я набрала в грудь побольше воздуха.

– С твоей стороны грубо продолжать это делать, когда я ясно дала понять: мне хотелось бы, чтобы ты слез.

– Грубо с твоей стороны вваливаться в мою комнату, одетой как...

– Твоя любовница?

Он поднял бровь.

– Я бы ее так не назвал.

– А как бы ты ее назвал?

Хоук, похоже, задумался, по-прежнему наполовину распростершись на мне.

– Э... хорошей подругой.

Отчасти я испытала облегчение от того, что он не назвал ее неуважительным словом, какие я слышала в разговорах мужчин о женщинах, с которыми они имели интимные от-

ношения. Но хорошая подруга?

– Хорошие подруги так себя не ведут.

– Держу пари, ты мало что знаешь о таких вещах.

Правдивость этого утверждения трудно игнорировать.

– И ты держишь пари, основываясь только на одном поцелуе?

– Только на одном поцелуе? Принцесса, много чего можно узнать по одному поцелую.

Уставившись на него, я не могла не чувствовать себя... очень неопытной. Единственное, что я могла сказать по его поцелую: у меня возникло ощущение, что Хоук хочет овладеть мной.

– Почему ты меня не остановила?

Он осмотрел маску и перевел взгляд ниже, туда, где плащ разошелся, открыв мое слишком тонкое платье с довольно смелым вырезом. Если честно, я не знаю, о чем думала, надевая этот наряд. Как будто подсознательно готовила себя... к чему-то. У меня внутри все сжалось. Вероятнее всего, это платье было фальшивой бравадой.

Хоук встретился со мной взглядом.

– Кажется, я начинаю понимать.

– Означает ли это, что ты собираешься встать и дать мне возможность двигаться?

«Почему бы тебе не сбросить его?» – прошептал тот глупый, очень разумный и очень логичный голос.

Это был серьезный вопрос. Я знала, как использовать вес

мужчины против него же. Что важнее, у меня есть кинжал и я могу до него добраться. Но я не потянулась за ним и не попыталась отодвинуть Хоука. Что это значит? Я... наверное, я чувствую себя в безопасности. По крайней мере, в этот момент. Может, я очень мало знаю о Хоуке, но он не незнакомец, во всяком случае, не кажется мне таким, и я его не боюсь.

Хоук покачал головой.

– У меня есть предположение.

– Жду его, затаив дыхание.

На правой щеке опять появилась ямочка.

– Я думаю, ты пришла в эту комнату намеренно.

Он не ошибся, но, скорее всего, заблуждается насчет настоящей причины.

– Вот почему ты молчишь и не пытаешься опровергнуть мои догадки насчет того, кто ты. Наверное, позаимствованный плащ – тоже очень продуманное решение. Ты пришла, потому что тебе от меня что-то нужно.

Я хотела было возразить, однако слова не шли на язык. Молчание не было знаком возражения или согласия, но внутри опять все сжалось.

Он слегка сдвинулся, положил ладонь на мою щеку и развел пальцы.

– Я прав, принцесса?

Сердце пустилось вскачь. Я попыталась сглотнуть, но в горле пересохло.

– Может... может, я пришла... поговорить.

– Поговорить? – Он поднял брови. – О чем?

– О многом.

Выражение его лица смягчилось.

– Например?

Несколько секунд в голове у меня было пусто, потом я выпалила первое, что пришло на ум.

– Почему ты решил служить на Валу?

– Ты пришла, чтобы спросить об этом?

Ничто в его голосе или взгляде не говорило о том, что он мне поверил, но я кивнула, отметив эту ситуацию как еще один пример того, что я не умею вести беседу.

Помолчав, он сказал:

– Я пошел служить на Вал по той же причине, что и многие.

– И почему же? – спросила я, хотя и знала большинство причин.

– Мой отец был фермером, а такая жизнь не для меня. Если вступаешь в королевскую гвардию и защищаешь Вал, то предоставляется много других возможностей, принцесса.

– Ты прав.

Он прищурился, и по его лицу скользнуло удивление.

– Что ты имеешь в виду?

– Детям выпадает не так много шансов стать не теми, кем были их родители.

– Ты имеешь в виду, у детей не так много шансов улуч-

шить свое положение, добиться большего, чем их предки?

Я постаралась кивнуть как можно убедительнее.

– Э... естественный порядок вещей не позволяет этого.

Сын фермера станет фермером или...

– Или предпочтет стать гвардейцем и рисковать жизнью за стабильное жалованье, которым не сможет насладиться в полной мере, потому что долго не проживет? – закончил он. – Не так много выбора, правда?

– Правда, – согласилась я, но я об этом уже думала.

Существовали ремесла, которыми Хоук мог заняться. Но быть торговцем или охотником тоже очень рискованно: этим людям приходится часто выходить за Вал. Просто это не настолько опасно, как вступить в королевскую гвардию и отправиться на Вал. Было ли источником его страданий что-то, что он повидал в качестве гвардейца?

– Может, выбора не так много, но я все равно думаю – нет, знаю, – чтобы вступить в гвардию, требуется определенный уровень силы и отваги, – сказала я.

– Ты так обо всех гвардейцах думаешь? Что они отважные?

– Да.

– Не все гвардейцы хорошие люди, принцесса.

Я прищурилась.

– Знаю. Смелость и сила еще не означают, что человек хороший.

– В этом мы согласны.

Он перевел взгляд на мои губы, и у меня внезапно сжалось в груди.

– Ты сказал, твой отец был фермером. Он... он ушел к богам?

По его лицу пронеслось какое-то выражение – слишком быстро, я не успела его определить.

– Нет. Он жив и здоров. А твой?

Я слегка покачала головой.

– Мой отец... мои родители оба умерли.

– Мне жаль, – произнес он, и это прозвучало искренне. – Потеря родителя или члена семьи чувствуется ещё долго после их ухода. Боль ослабевает, но никогда не исчезает. Спустя годы ты по-прежнему думаешь о том, что можно было сделать, чтобы вернуть их.

Он прав. И именно в этом, наверное, лежит источник его боли.

– Ты говоришь так, словно сам такое испытал.

– Да.

Я подумала о Финли. Хорошо ли его знал Хоук? Большинство гвардейцев были близки, связь между ними крепче кровной, но даже если он не знал Финли, наверняка у него были другие погибшие знакомые.

– Сочувствую, – сказала я. – Сочувствую твоей потере, кто бы это ни был. Смерть...

Смерть не изменить.

Я увидела много смертей. Мне не полагалось, меня обе-

регали, но я видела смерть слишком часто.

Он склонил голову набок, и темные локоны упали ему на лоб.

– Смерть – как старый друг, который порой наносит визит, когда его совсем не ждешь, а в другой раз – когда вполне ожидаешь. Она приходит не в первый и не в последний раз, но ни одну смерть это не делает менее суровой и неумолимой.

Печаль грозила затопить меня, прогнав теплоту из груди.

– Так и есть.

Он вдруг нагнул голову, почти коснувшись моих губ своими.

– Сомневаюсь, что тебя привело в эту комнату желание поболтать. Ты пришла не затем, чтобы говорить о печальных вещах, которые нельзя изменить, принцесса.

Я знала, почему пришла сюда, и Хоук был прав, снова прав. Не поговорить. Я пришла сюда жить. За впечатлениями. Чтобы иметь выбор. Побывать не тем, кто я есть. Ничего из этого списка не предполагало разговоров.

Но сегодня я испытала свой первый поцелуй. Я могу на этом остановиться, а могу по собственному выбору сделать в первый раз еще многое.

Неужели... Неужели я в самом деле размышляю над этим, что бы это ни было? О боги, и правда. По телу прокатилась легкая дрожь. Почувствовал ли он? Дрожь забралась внутрь, собираясь в крохотные узелки предвкушения и страха.

Я Дева. Избранная. Моя прежняя убежденность насчет того, что волнует богов, ослабела. Сочтут ли они меня недостойной?

Меня не охватила паника, как должна была. Вместо этого во мне разгорелась искра надежды, и это больше всего выбило меня из колеи. Крохотный проблеск надежды казался предательским и очень настораживающим: если меня признают недостойной, это повлечет самые серьезные последствия.

Если я окажусь недостойной, меня ждет верная смерть.
Изгнание из королевства.

Глава 3

Насколько я знала, недостойным Вознесения был признан только один человек. Его имя стерто из исторических хроник, как и любые сведения о том, кто это был и какие деяния стали причиной его или ее изгнания. Ему было запрещено жить среди смертных. Без семьи, поддержки и защиты его ждала неминуемая смерть. Даже у селян и фермеров с их невысокими Валами и среди гвардейцев смертность непомерно высока.

Хотя мое Вознесение отличается от других, меня тоже могут счесть недостойной. Наказание для меня будет равносильно гибели, но у меня не было сил об этом думать.

Нет.

Это ложь.

Я просто не хотела об этом думать. Должна была, но... Я не покинула комнату. Не остановила Хоука. Для себя я уже все решила, пусть и не понимала, почему он все еще здесь, со мной.

Я облизнула нижнюю губу, чувствуя головокружение и даже слабость – прежде я никогда не чувствовала слабости. Эти невероятно густые ресницы опустились, и он так пристально уставился на мой рот, что это казалось лаской. Я поежилась.

Казалось, его глаза стали еще ярче. Он очертил пальцем

контур моей маски, коснулся места, где атласные ленты исчезали под волосами.

– Можно снять?

Не в силах вымолвить ни слова, я покачала головой.

Хоук мгновение помедлил, затем появилась его полуулыбка, хотя на этот раз без ямочки. Он убрал палец с маски и провел им по моему подбородку, а потом вниз по горлу, к завязкам плаща.

– А что насчет этого?

Я кивнула.

Его пальцы двигались очень проворно. Он отбросил плащ в сторону и провел по вырезу, по крутым холмикам моих груди. За его прикосновениями тянулась целая буря ощущений, в которых я не могла разобраться.

– Что ты от меня хочешь? – спросил он, играя с бантиком между моих груди. – Скажи, и я сделаю.

– Почему? – выпалила я. – Зачем тебе... делать это? Ты меня не знаешь и принял за другую.

На его красивом лице мелькнуло веселье.

– Мне сейчас нечем заняться, и я заинтригован.

Я подняла брови.

– Потому что тебе сейчас нечем заняться?

– А ты предпочла бы поэтическую чушь о том, как я очарован твоей красотой, хотя и видел только половину лица? Которая, кстати, вполне привлекательна. Чтобы я сказал, что пленен твоими очами? Насколько я могу судить, они чудес-

ного зеленого цвета.

Я нахмурилась.

– Ну нет. Не хочу, чтобы ты лгал.

– Это не ложь. – Потянув за бантик, он склонил голову и коснулся губами моих губ. От этого легкого прикосновения по моему телу пробежала волна. – Я сказал правду, принцесса. Ты меня интригуешь, а такое случается очень редко.

– Итак?

– Итак, – повторил он со смешком, скользя губами по моему подбородку. – Ты изменила мои планы на вечер. Я собирался вернуться в казармы. Неплохо, хотя и скучно, провести ночь, хорошенько выспавшись. Но у меня есть подозрение, что если я проведу ночь с тобой, то скучно не будет.

Я сделала неглубокий вдох, странным образом польщенная и тем не менее смущенная его мотивами. Вот бы у кого-нибудь спросить... Но даже если бы тут нашелся еще кто-то, это было бы странно и неловко.

Мне вспомнились два бокала на столике рядом с диванчиком.

– С тобой... с тобой кто-то был перед моим приходом?

Он поднял голову и уставился на меня.

– С чего бы такой вопрос?

– Там два бокала, – показала я.

– С чего бы такой личный вопрос из уст девушки, чьего имени я даже не знаю?

К моим щекам прилила кровь. Он прав.

Он молчал так долго, что у меня закралось сомнение. Наверное, не стоило интересоваться его компанией в этот вечер, но я поинтересовалась. И, похоже, это было ужасной ошибкой. Я перегнула палку. Я ничего не знаю о нем, о том, что...

– Я был кое с кем, – ответил он, и моя досада усилилась. – С другом, который несколько не похож на хозяйку этого плаща. Мы давно не виделись и хотели поговорить в уединенной обстановке.

Тревога улеглась, и я решила, что он говорит правду. Зачем ему лгать ради меня, когда у него куча других, которые с готовностью его заинтригуют?

– Итак, принцесса, что тебе от меня нужно?

Я сделала еще один неровный вдох.

– Что-нибудь?

– Что-нибудь.

На этот раз он обхватил ладонью мою грудь, поглаживая большим пальцем.

Касание было совсем легким, но меня пронзило удовольствие, и я ахнула. Мое тело реагировало само по себе, выгибаясь от его прикосновений.

– Я жду. – Он снова шевельнул большим пальцем, отчего мои и без того бессвязные мысли совсем разбежались. – Скажи, что тебе нравится, и я исполню.

– Я... – Я прикусила губу. – Я не знаю.

Хоук посмотрел мне в глаза, и мгновение так затянулось,

что я начала думать, не сказала ли нечто неправильное.

– Я скажу, чего хочу я. – Его большой палец медленно рисовал небольшие круги по самому чувствительному местечку. – Я хочу, чтобы ты сняла маску.

– Я...

По моему телу пробежал пульсирующий трепет, вызвав пьянящее удивление. То, что я почувствовала... ничего подобного я раньше не испытывала. Острое и сладкое. Другой вид боли.

– Зачем?

– Потому что хочу тебя видеть.

– Ты меня видишь.

– Нет, принцесса. – Он опустил голову так, что его губы коснулись выреза моего платья. – Я хочу по-настоящему видеть тебя, когда между моим ртом и тобой не будет одежды.

Не успев спросить, о чем он, я ощутила сквозь тонкую шелковую ткань его теплый влажный язык. Я задохнулась, потрясенная его действием и волной жидкого жара, но затем его взгляд встретился с моим, и его рот сомкнулся на вершинке моей груди. Он прихватил губами сосок, и мой вздох превратился во вскрик, который потом наверняка меня смутит.

– Сними маску. – Он поднял голову и провел рукой по моему бедру. – Пожалуйста.

Если я сниму, он все равно меня не узнает. Хоук никогда не узнает, кто я, хоть в маске, хоть без нее, но...

Если я сниму маску, скажет ли он то, что частенько повторял герцог? Что я шедевр и трагедия? А когда почувствует рваные шрамы на коже моего живота и бедер, отдернет ли он в ужасе руку?

Я похолодела.

Об этом я не подумала.

Вообще.

Чудесный опьяняющий жар угас. Хоук – не Вознесшийся, но почти безупречной внешностью он подобен им. Раньше я никогда не стыдилась шрамов. Они были доказательствами пережитого мной ужаса. Но если он...

Рука Хоука скользнула по моему правому бедру, там, где разошлось платье, и остановилась прямо на рукоятке кинжала.

– Что это?..

Не успела я сделать очередной вдох, как он вынул кинжал из ножен; его пальцы прошли в опасной близости от одного шрама. Я села, но он оказался быстрее и откатился назад.

Красное лезвие блеснуло в свете свечей.

– Кровокамень и кость вольвена.

– Отдай, – потребовала я, перекатываясь на колени.

Он перевел взгляд с кинжала на меня.

– Это уникальное оружие.

– Знаю.

Мои волосы упали вперед, укутав плечи.

– И недешевое, – продолжал он. – Зачем оно тебе, прин-

цесса?

– Это подарок. – Это была правда. – И я не настолько глупа, чтобы идти в такое заведение безоружной.

Мгновение он смотрел на меня, потом опять сосредоточился на кинжале.

– Если носишь оружие, не умея им пользоваться, это не делает тебя умнее.

Гнев вспыхнул так же ярко, как и желание, которое Хоук вызывал во мне несколько мгновений назад.

– С чего ты взял, что я не умею им пользоваться? Потому что я женщина?

– Не удивляйся тому, что меня бы это поразило. Обращение с кинжалом – не самый обычный навык для женщин Солиса.

– Ты прав.

Он в самом деле прав. Общество не одобряет женщин, умеющих обращаться с оружием и способных защитить себя. Меня это всегда беспокоило. Если бы моя мать умела защищаться, она могла бы до сих пор жить.

– Но я умею им пользоваться.

Он усмехнулся краем рта.

– Теперь я в самом деле заинтригован.

Двигаясь с невероятной быстротой, он воткнул кинжал в постель. Я ахнула, подумав, как к этому отнесутся хозяйка «Красной жемчужины», но Хоук набросился на меня. Швырнул обратно на матрас, опять придавил всем своим ве-

сом и вжался в меня так, что сошлись все интересные части. Его рот накрыл мой...

В дверь заколотили, и Хоук не стал говорить то, что собирался сказать.

– Хоук? – прогремел мужской голос. – Ты здесь?

Он застыл с закрытыми глазами. Его теплое дыхание коснулось моих губ.

– Это Киеран, – назвал мужчина имя, которого я не знала.

– Как будто я этого уже не понял, – пробормотал Хоук, и я хихикнула.

Он открыл глаза, и на его лице опять возникла усмешка.

– Хоук? – опять постучал Киеран.

– Наверное, нужно ему ответить, – прошептала я.

– Проклятье! – выругался он и, оглянувшись через плечо, крикнул: – Я сейчас абсолютно и счастливо занят!

– Сожалею, – ответил Киеран, тогда как Хоук опять сосредоточился на мне. Киеран постучал опять. – Но прерваться придется, это неизбежно.

– Единственная неизбежность – это сломать тебе руку, если ты постучишь в эту дверь еще раз, – предупредил Хоук, и мои глаза расширились. – Что, принцесса? – он понизил голос. – Я же говорил, что в высшей степени заинтригован.

– Придется рискнуть рукой.

Хоук издал разочарованное рычание – такой странно звериный звук. У меня по коже побежали мурашки.

– Прибыл... посланник, – добавил Киеран.

По лицу Хоука пробежала тень. Он пошевелил губами, словно пробормотал что-то, но так тихо, что я не расслышала.

Подступивший холод похитил часть жара.

– Посланник?

Хоук кивнул.

– Поставки, которые мы ждали. Мне нужно идти.

Я кивнула в ответ, понимая, что он должен уйти. И потянулась за плащом.

Какое-то время Хоук не шевелился, потом слез с меня и встал. Что-то ответил Киерану, поднимая с пола тунику. Я выдернула из матраса забытый кинжал и быстро сунула в ножны, пока Хоук надевал тунику, португепю и поясной ремень. По бокам у него на поясе были ножны для оружия, которое я заметила только сейчас.

Хоук взял с сундука возле двери два коротких меча, и я подумала, что мне следует внимательнее смотреть по сторонам, когда я в следующий раз ворвусь в какую-нибудь комнату.

Клинки были наточены до смертоносной остроты, зазубрены с обеих сторон и предназначались для ближнего боя, чтобы рубить плоть и мышцы.

Я умела ими пользоваться, но держала это при себе.

– Я вернусь, как только смогу. – Он всунул мечи в ножны по бокам. – Клянусь.

Я снова кивнула. Хоук пристально посмотрел на меня.

– Скажи, что дождешься меня, принцесса.

Мое сердце забилося быстрее.

– Дождусь.

Развернувшись, он направился к двери, но вдруг остановился и опять глянул на меня.

– Буду с нетерпением ждать возвращения.

Я ничего не сказала, и он ушел, приоткрыв дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть. Когда дверь за ним захлопнулась, я выдохнула и посмотрела на свое платье. На груди оно еще было влажным, и белая ткань стала почти прозрачной. Мои щеки вспыхнули. Я соскочила с кровати и выпрямилась. Коленки были на удивление слабыми.

Я перевела взгляд на дверь и закрыла глаза, не зная, испытываю ли разочарование или облегчение оттого, что нам помешали. Честно говоря, оба эти чувства смешивались, ведь я солгала Хоуку.

Когда он вернется, меня здесь не будет.

* * *

– Что ты делала прошлой ночью?

Вопрос переключил мое внимание с печенья, которым я лакомилась, на сидящую напротив леди-в-ожидании.

Тони Лайон была второй дочерью успешного торговца. Ее отдали ко двору в тринадцать лет во время Ритуала. Высокая и гибкая, с кожей насыщенного коричневого оттенка

и прекрасными карими глазами, она выглядела всем на зависть. Некоторым леди и лордам-в-ожидании давали поручения помимо подготовки к вхождению во двор после Вознесения, и поскольку мы одного возраста, вскоре после Ритуала ее приставили ко мне в качестве компаньонки. В ее обязанности входило составлять мне компанию и, если нужно, помогать с одеждой и ванной.

Тони одна из немногих, кто мог заставить меня смеяться над глупостями. На самом деле она также одна из немногих, кому вообще позволено со мной разговаривать. Она стала мне самой близкой подругой, и я ее очень любила.

Думаю, она меня тоже любила, или, по крайней мере, я ей нравилась. Но ей приходилось все время находиться со мной, если только я не отпускала ее на день. Если бы ей не поручили стать моей компаньонкой, мы бы никогда не познакомились. На ней это бы никак не отразилось: она была бы обычной леди-в-ожидании из тех, кому запрещено общаться со мной и приходится меня сторониться.

Осознание этого часто лежало камнем в груди. Еще одна глыба льда. Но даже зная, что наша дружба проистекает из обязанности, я доверяла Тони.

До определенной степени.

Она знает, что я обучена обращаться с оружием, но не знает о делах, в которых я иногда помогаю Виктеру. И о моем даре. Я держала все это в тайне, потому что поделиться с Тони этими секретами означало поставить под удар ее или

других людей.

– Я была здесь.

Вытерев с пальцев маслянистые крошки, я обвела рукой почти пустые покои. Мы сидели в маленькой приемной, которая вела в спальню. Там стояли только два кресла у камина, кровать, тумбочка, платяной шкаф и сундук. Под ногами лежал тяжелый меховой ковер. Другие имели больше... бытовых удобств. У Тони в комнате была красивая кушетка и куча плюшевых ковриков. А у некоторых леди и лордов-в-ожидании есть туалетные столики и письменные столы, книжные полки на стенах и даже электричество.

Со временем все эти предметы убрали из моих покоев то за одну, то за другую провинность.

– Тебя не было в твоей комнате, – сказала Тони.

Ее волосы были собраны в простой пучок на макушке, чтобы золотисто-каштановые кудри не падали на лицо, но это не помогало. Несколько прядей выбились из прически и легли на щеки.

– Я проверяла вскоре после полуночи, и тебя здесь не было.

У меня екнуло сердце. Неужели что-то случилось и герцог или герцогиня послали за мной Тони? Если так, то Тони не смогла бы солгать, но, полагаю, если меня разоблачили, я бы об этом уже знала.

Меня бы уже позвали в кабинет герцога.

– Зачем ты меня проверяла?

– Мне показалось, твоя дверь открылась и закрылась, поэтому я решила посмотреть, но здесь никого не оказалось. – Она помолчала. – Никого. И тебя тоже.

Моего возвращения она бы ни за что не услышала: я пробиралась по старому проходу для слуг. Пусть его дверь скрипела как мешок с костями, комната Тони находилась на противоположной стороне от моей спальни. Эта дверь – одна из причин, почему я не просила перевести меня в более новые, отремонтированные покои. Через старый ход можно проникать почти в любую часть замка и незаметно уходить и приходить.

Это вполне компенсировало отсутствие электричества и вечный сквозняк, который гулял здесь даже в самые солнечные дни.

Я глянула на закрытую дверь в коридор, и у меня вспотели ладони. Неужели меня искали? Опять же, я бы об этом уже узнала, так что Тони, скорее всего, послышалось.

Хорошо зная Тони, я понимала, что она не отстанет, если я не дам какого-нибудь объяснения.

– Мне не спалось.

– Кошмары?

Я кивнула, чувствуя себя виноватой из-за мелькнувшего в ее глазах сочувствия.

– В последнее время они у тебя часто бывают. – Она откинулась на спинку кресла. – Уверена, что не хочешь попробовать снотворное, которое приготовил для тебя целитель?

– Нет, мне не нравится идея о том, чтобы...

– Чтобы отключиться? – договорила она. – Это не так уж плохо, Поппи. Ты хорошо отдохнешь. Если честно, при твоём недосыпе тебе следует хотя бы попробовать.

Меня бросило в пот при мысли о снадобье, которое погрузит меня в такой глубокий сон, что не разбудит даже армия, марширующая через спальню. Я стану совершенно беспомощной, а на это я бы никогда не согласилась.

– Итак, чем ты занималась? – Тони сделала паузу. – Вернее, следует спросить, куда ты ходила?

Я зачарованно рассматривала изящную отделку салфетки, и Тони прищурилась.

– Ты выбралась из замка, верно?

Этим вопросом она доказала, что знает меня так же хорошо, как и я ее.

– Не знаю, почему ты так решила.

– А что, разве ты так уже не поступала? – Я глянула на нее, и Тони рассмеялась. – Ну же, расскажи, чем ты занималась. Уверена, ты провела время гораздо интереснее, чем я. Я слушала разглагольствования хозяйки Камбрии о том, как неподобающе ведут себя некие леди и лорды-в-ожидании. Пришлось отговориться сильным расстройством желудка, чтобы сбежать от нее.

Я захихикала, зная, что Тони поступила бы именно так.

– Хозяйку трудно выносить.

– И это еще мягко сказано, – заметила Тони.

Усмехаясь, я взяла чашку кофе со сливками. Хозяйки была служанками герцогини, помогали вести хозяйство, но также приглядывали за леди-в-ожидании. Хозяйка Камбрия – настоящий дракон в юбке, даже я ее побаивалась.

– Я выбралась из замка, – признала я.

– И куда же ты ходила без меня?

– Ты расстроишься, если я скажу.

– Вполне возможно.

Я подняла голову.

– В «Красную жемчужину».

Глаза у нее стали как блюдца, что стояли перед нами на столике.

– Ты серьезно?

Я кивнула.

– Не могу... – Она сделала глубокий вдох. – И как?

– Я позаимствовала плащ у горничной и надела маску, которую где-то нашла.

– Ты... ты коварная воришка!

– Я утром вернула плащ, так что нечего называть меня воришкой.

– Ну и что, если вернула. – Она наклонилась ко мне. – И как там?

– Интересно, – ответила я.

Она умоляла рассказать подробнее, и я поведала о том, что видела. Тони увлеченно ловила каждое слово, точно я делилась описанием настоящего ритуала Вознесения.

– Как ты могла не взять меня с собой? – Она откинулась в кресле и надула губки, но потом опять подалась вперед. – Видела там кого-нибудь знакомого? Лорен утверждает, что ходит туда едва ли не через день.

Лорен, еще одна леди-в-ожидании, много чего утверждает.

– Ее я не видела, но...

Я осеклась, не уверенная, что стоит рассказывать о Хоуке.

После его ухода я задержалась не более чем на десять минут и с облегчением обнаружила, что Виктера нигде не видно. Как и странной женщины, которая знала больше, чем следует. Я изо всех сил старалась не думать о том, что произошло между мной и Хоуком.

В ту ночь я сама не заметила, как вернулась к себе. Пока меня не сморила усталость, я лежала в постели, прокручивая в памяти все, что он говорил... все, что он делал. Я проснулась, охваченная странным разочарованием, с болью в груди и внизу живота.

– Но что? – переспросила Тони.

Я хотела ей рассказать. Боги, как я хотела с кем-нибудь поделиться тем, что произошло с Хоуком. У меня были сотни вопросов, но прошлая ночь была особенной. Я пересекла важную черту. Пусть я не чувствовала, что опозорила себя или совершила что-то в самом деле неправильное, я знала, что мои опекуны не согласились бы со мной. Как и жрецы. Одно дело пойти в «Красную жемчужину». И совсем другое

– рассказать кому-то об этом. Такое знание может быть оружием.

Я доверяла Тони, но, как уже упоминала, только до определенной степени.

И хотя при одной лишь мысли о Хоуке у меня внутри все стягивалось множеством маленьких узлов, такое не должно повториться. Когда я увижу его на заседаниях Городского Совета, он не поймет, что это меня он называл принцессой. Не узнает, что был первым, кто поцеловал меня.

То, что мы делали... принадлежит только мне.

И останется при мне.

Я медленно выдохнула, не обращая внимания на болезненный комок в горле.

– Но многие были в масках. Она могла быть там, а я ее не узнала. Кто угодно мог быть.

– Если ты еще когда-нибудь пойдешь в «Красную жемчужину» без меня, я наделаю дырок в подошвах твоих туфель, – пообещала Тони, играя с белыми бусинами на вырезах своего розового платья.

Я издала сдавленный смешок.

– Ого!

Она захихикала.

– Если честно, я рада, что ты со мной не пошла, – сказала я. И, увидев, как она нахмурилась, добавила: – Мне и самой не следовало туда ходить.

– Ну да, ходить в «Красную жемчужину» запрещено. Я

уверена, что это так же запрещено, как и учиться обращаться с кинжалом и мечом, будто ты гвардеец с Вала.

Уж это я не смогла скрыть от Тони, а она так и не разболталась – одна из причин, почему я многое ей доверяю.

– Да, но...

– Как и в тот раз, когда ты улизнула посмотреть бой на ринге. Или когда уговорила меня искупаться в озере...

– Это была твоя идея, – поправила я. Ее готовность помогать мне в том, что запрещено, была другой причиной, по которой я доверяла ей. – И твоей же идеей было купаться без одежды.

– А кто купается в одежде? – Она невинно распахнула глаза. – И это была общая идея, спасибо тебе большое. Думаю, нам нужно это повторить, и как можно скорее, пока не стало слишком холодно даже для прогулок. Но я могу все утро перечислять твои поступки, запрещенные герцогом и герцогиней или недозволенные Деве, и до сих пор ничего не случилось. Боги не явились и не провозгласили тебя недостойной.

– Это правда, – признала я, разгладив складку на юбке.

– Ну конечно.

Она взяла маленькое круглое печенье, обсыпанное сахаром, и бросила в рот. Каким-то образом ей удалось не уронить на себя ни крупинки сахара. Мне же стоит просто подышать в сторону печенья, и я оказываюсь покрыта белой сахарной пудрой в самых немислимых местах.

– Итак, когда мы туда отправимся?

– Я... я не думаю, что следует туда ходить.

– Ты не хочешь?

Я открыла рот и тут же закрыла, стараясь не упасть в эту кроличью нору. Проблема в том, что я хотела туда вернуться.

Когда я лежала в постели и не вспоминала одержимо время, проведенное с Хоуком, заново переживая острейшее желание и трепет от его поцелуя, я думала о том, вернулся ли он, как обещал, и правильно ли я поступила, когда ушла.

Разумеется, в глазах опекунов и богов я поступила правильно, но так ли это для меня? Не следовало ли остаться и испытать бесконечно больше? Может, впредь мне такой возможности не выпадет?

Я подняла взгляд на окна, выходящие на западную часть Вала. Там двигались только темные тени гвардейцев, патрулирующих край. С ними ли Хоук? Почему я вообще об этом думаю?

Потому что в душе я очень хотела бы остаться и нескоро перестану думать о том, что случилось бы, если бы я его дождалась. Исполнил бы он все, что бы я ни захотела?

Я даже не знала, к чему бы это привело. Понятия не имела. Могла только дать волю воображению. Я слышала, как другие рассказывали о своих переживаниях, но эти переживания не были моими. Просто бледные копии реальных вещей.

И если я вернусь, то лишь в надежде, что он будет там. Вот почему не стоит туда идти.

Я посмотрела на открытый платяной шкаф. Первое, что бросилось в глаза, – белая вуаль с изящными золотыми цепочками, и на меня словно лег тяжелый груз. Я уже ощущала ее вес, хотя вуаль была сшита из тончайшего дорогого шелка. Когда ее впервые надели на меня в восемь лет, я запаниковала. Но прошло уже десять лет, и мне следовало привыкнуть к ней.

Хотя мне больше не казалось, что я не могу сквозь нее видеть и дышать, она по-прежнему ощущалась тяжелой.

Рядом с ней висела единственная цветная вещь в моем гардеробе: проблеск красного среди моря белого. Церемониальное платье, сшитое для приближающегося Ритуала. Платье принесли вчера утром, и я его еще не примеряла. Это первый раз, когда меня не спрячут под вуалью и позволят надеть не белое. Разумеется, я буду в маске, как и все остальные.

Единственная причина, по которой мне позволят присутствовать на этом Ритуале, хотя на все предыдущие не пускали, – это будет последний Ритуал перед моим Вознесением.

Какое бы радостное волнение я ни испытывала по поводу Ритуала, оно омрачалось тем, что этот Ритуал будет последним.

Тони встала и подошла к окну.

– Тумана давно не было.

У нее имеется привычка перескакивать с одной темы на другую, но сейчас это показалось неприятным.

– С чего это ты о нем подумала?

– Не знаю. – Она поправила выбившийся локон. – Хотя на самом деле знаю. Я вчера вечером подслушала Дафину с Лорен, а они подслушали одного следопыта. Тот заявлял, что туман собирается за Кровавым лесом.

– Я такого не слышала.

У меня внутри все сжалось: я вспомнила Финли и пожалела, что съела столько бекона.

– Наверное, не надо было об этом говорить. – Она отвернулась от окна. – Просто... туман уже десятилетия даже не приближался к столице. Не стоит о нем волноваться.

Где бы мы ни находились, о тумане стоит волноваться. То, что он не приближался десятилетиями, не означает, что он не приблизится на сей раз. Но я промолчала.

Тони отошла от окна, вернулась к столу и опустилась на колени рядом со мной.

– Могу я на минутку быть с тобой честной?

Я вскинула брови.

– Разве ты не всегда честна?

– Да, но... но это другое.

Меня охватило больше, чем простое любопытство. Я кивком попросила ее продолжать.

Тони сделала глубокий вдох.

– Я знаю, что наши жизни различны, как и наше прошлое и будущее, но ты воспринимаешь Вознесение так, словно для тебя оно равносильно смерти, тогда как на самом деле все на-

оборот. Это жизнь. Это новое начало. Это Благословение...

– Ты начинаешь говорить как герцогиня, – поддразнила я.

– Но это правда. – Она взяла меня за руку. – Ты не умрешь через несколько месяцев, Поппи. Ты будешь жить, больше не связанная этими правилами. Ты будешь в столице.

– Меня отдадут богам, – поправила я.

– И разве это не изумительно? Ты испытываешь то, что выпадает очень немногим. Я знаю... Я знаю, ты боишься, что не вернешься от них, но ты же любимая Дева королевы.

– Я ее единственная Дева.

Она закатила глаза.

– Ты знаешь, что причина не в этом.

Я знала.

Королева сделала для меня больше, чем требовалось. Однако это не меняет того, что мое Вознесение не имеет ничего общего с ее Вознесением.

– А когда ты вернешься Вознесшейся, я буду рядом с тобой. Только подумай о шалостях, которые мы устроим.

Тони снова сжала мою руку. Она в самом деле верит, что так будет.

Так может быть. Но это не точно.

Я понятия не имела, что значит быть отданной богам. Хотя все мельчайшие подробности истории королевства были задокументированы, кое о чем не писали. Я так и не смогла ничего найти о прежних Девах и больше сотни раз спрашивала жрицу Аналию о том, что значит быть отданной богам,

но ответ всегда был один и тот же.

«Дева не спрашивает о планах богов. Она верит в них, даже ничего о них не зная».

Наверное, я правда недостойна быть Девой, потому что мне трудно верить в то, о чем я ничего не знаю.

Но Тони верила. Так же, как и Виктер, и Рилан, и буквально все, кого я знала. Даже Йен.

Однако никого из них не отдавали богам.

Я поискала в глазах Тони хоть малейший намек на страх.

– Ты что, вообще не боишься?

– Вознесения? – Она встала и сплела пальцы в замок. – Нервничаю? Да. Боюсь? Нет. Я предвкушаю начало новой главы.

Начало своей собственной жизни, в которой она сможет просыпаться и есть, когда захочет, проводить дни как ей вздумается и с кем пожелает, а не быть моей вечной тенью.

Конечно, она не боится. И хотя мои чувства были иными, я не раз задумывалась, что это значит для нее.

Тони всегда была не прочь поучаствовать в затейных мной приключениях и частенько что-то предлагала сама. Но если боги следят за нами, особенно когда Вознесение так близко, они могут счесть ее недостойной за эти выходки. Эта мысль не впервые пришла мне в голову, но только сейчас я вдруг ясно осознала, что мое отношение к Вознесению может уничтожить ее энтузиазм.

В горле поднялся кисловатый привкус вины.

– Я такая эгоистка.

Тони озадаченно вытаращила глаза.

– Почему ты так решила?

– Кажется, своим унынием я омрачаю твою радость, – сказала я. – Я в самом деле не думала, что ты с таким предвкушением ждешь Вознесения.

– Ну, раз ты так говоришь. – Она рассмеялась, негромко и тепло. – Если честно, Поппи, ты ничего не испортила. Твои чувства в отношении Вознесения не влияют на мои.

– Рада слышать, но все равно мне следует ради тебя испытывать больше воодушевления. Так... – я набрала воздуха, – ...так поступают подруги.

– Ты испытываешь ради меня воодушевление? Счастье? Хотя сама беспокоишься?

– Конечно, – кивнула я.

– Значит, ты поступаешь как подруга.

Может, это и правда, но я пообещала себе стать лучше и не рисковать Вознесением Тони, втягивая ее в свои эскапады. Я смогу жить со страшными последствиями, если меня признают недостойной, потому что это моя жизнь и к этому привели мои действия. Но я не желаю, чтобы та же участь ждала Тони.

С этим я жить не смогу.

* * *

В тот же день, после того, как я поужинала в своей комнате, ко мне постучал Виктор. Когда я посмотрела на его лицо, загорелое и обветренное от жизни на Валу и долгих лет на солнце, я не стала думать о том, где он был прошлой ночью, и о вызванной этим неловкости. Я увидела его выражение и поняла: что-то произошло.

– Что случилось? – прошептала я.

– Нас зовут, – ответил он, и у меня дрогнуло сердце.

Нас могут звать только по двум причинам. Первая – приказ герцога, а вторая – в равной степени ужасная, но совершенно другая.

– К проклятому, – добавил Виктор.

Глава 4

Не теряя ни секунды, мы покинули комнату и вышли из замка по старому ходу для слуг. Потом как привидения двинулись по городу, пока не добрались до старой побитой двери.

Дом в Нижнем квартале Масадонии отличался от прочих приземистых узких зданий, громоздящихся друг на друге, только белым носовым платком, воткнутым под ручкой.

Оглянувшись на двух городских гвардейцев, болтающих при желтом свете уличного фонаря, Виктор быстро ухватил белый платок и сунул в карман своего темного плаща. Маленький белый лоскут был символом сети людей, верящих в то, что смерть, какой бы жестокой и разрушительной она ни была, заслуживает достоинства.

Также он был свидетельством государственной измены и предательства короны.

Мне было пятнадцать, когда я случайно узнала, чем занимается Виктор. Однажды утром он в спешке прервал нашу тренировку. Ощувив ментальную боль посланника, я поняла: что-то произошло. И последовала за моим телохранителем.

Ясно, что Виктору это не понравилось. То, что он делал, считалось изменой и было опасным не только из-за риска быть пойманным. Тем не менее мне никогда не нравилось то,

как обычно решаются подобные дела. Я потребовала, чтобы он позволил мне помогать. Он сказал нет – повторил это, наверное, сотню раз, – но я не отставала. Кроме того, я хорошо подходила для таких дел. Виктор знал, как я могу помочь, и его сочувствие несчастным сыграло в мою пользу.

Мы занимаемся этим уже около трех лет.

Мы не единственные. Есть и другие – гвардейцы, горожане. Я никогда не встречала никого из них. Насколько я знаю, среди них может быть и Хоук.

У меня внутри все перевернулось, и я выбросила из головы мысли о Хоуке.

Виктор быстро постучал в дверь костяшками пальцев и опять положил руку в перчатке на рукоять меча. Через пару секунд петли заскрипели, старая раздолбанная дверь открылась, и в проеме показалось бледное, круглое женское лицо с опухшими красными глазами. Ей могло быть около тридцати, но глубокая морщина между бровями и носогубные складки прибавляли десяток-другой. Причина того, что она так плохо выглядит, целиком крылась в боли, которая была глубже физической и объяснялась запахом, исходящим из глубины дома. В густом приторном дыме благовоний безошибочно угадывался тошнотворно-сладкий смрад гнили и разложения.

Смрад проклятия.

– Тебе нужна помощь? – негромко спросил Виктор.

Женщина крутила пуговицу на помятой блузке, ее насто-

роженный взгляд метался от Виктера ко мне.

Я отпустила чутье. Глубоко укоренившаяся в душе боль окружала женщину и исходила волнами, которых я не видела, но ощущала как почти осязаемую сущность. Я чувствовала, как она проникает сквозь мой плащ и одежду, царапает кожу, словно зазубренные ледяные ногти. Боль была такой свежей и мощной, что казалось, будто женщина умирает, не имея никаких ран или болезней.

Я вздрогнула под тяжелым плащом, борясь с побуждением шагнуть назад. Все мои инстинкты требовали, чтобы я находилась от нее как можно дальше. Ее горе железными кандалами легко на мои щиколотки, тянуло вниз и сжимало шею в тисках. Подступивший от эмоций ком в горле имел вкус... горького отчаяния и кислой безысходности.

Я убрала чутье, но слишком долго была открытой и теперь настроилась на ее страдание.

– Кто это? – Ее голос был хриплым от слез, глаза опухли.

– Та, кто может тебе помочь, – ответил Виктер очень знакомым мне тоном.

Он всегда говорил так спокойно, когда я готова была действовать в порыве гнева и натворить что-нибудь совершенно безрассудное. По мнению Виктера, такое случалось слишком часто.

– Пожалуйста. Впусти нас.

Ее пальцы застыли на пуговице под горлом, она коротко кивнула и отступила. Я вошла следом за Виктером, изучая

тускло освещенную комнату, которая оказалась одновременно кухней и жилым помещением. В доме не было электричества, только масляные лампы и жирные восковые свечи. Ничего удивительного, хотя в Нижний квартал электричество было проведено, чтобы освещать улицы и некоторые деловые здания. В домах оно есть только у богатых, а таких в Нижнем квартале не водилось. Богачи живут ближе к центру Масадонии, около замка Тирман и как можно дальше от Вала.

Но здесь Вал маячил совсем рядом.

Я старалась не дышать глубоко и не замечать того, как горе женщины раскрасило маслянисто-черным стены и пол. Ее боль собралась здесь, среди безделушек и глиняных тарелок, стеганых одеял с обтрепанными краями и старой мебели. Сцепив руки под плащом, я сделала очередной вдох, на этот раз глубже, и огляделась.

На деревянном столе – фонарь и горящие ароматические палочки. Несколько кресел перед кирпичным камином. Я обратила внимание на закрытую дверь рядом с камином. Присмотрелась, склонив набок голову в капюшоне. На ближайшей к двери каминной полке лежало узкое лезвие. В слабом свете оно казалось бордовым.

Кровокамень.

Женщина приготовилась управиться сама. Судя по тому, что она чувствует, у нее ничего не выйдет.

– Как тебя зовут? – спросил Виктор, откинув капюшон.

Он всегда так делал. Показывал лицо, чтобы успокоить семью или друзей, снять напряжение. На его лоб упал светлый локон. Он повернулся к женщине.

Я же не стала раскрывать себя.

– А... Агнес, – ответила она, сглотнув. – Я... я слышала о белых платках, но я... я сомневалась, что кто-то придет. Думала, это какая-то выдумка или обман.

– Это не обман. – Виктор был одним из самых опасных гвардейцев в городе, если не во всем королевстве, но я знала, что Агнес видит в его голубых глазах только доброту. – Кто болен?

Агнес сглотнула еще раз и на мгновение зажмурилась так, что кожа вокруг глаз сморщилась.

– Мой муж, Марлоу. Он следопыт с Вала и... и он вернулся домой два дня назад... – У нее перехватило дыхание, и она тяжело выдохнула. – Его не было несколько месяцев. Я так ему обрадовалась. Я сильно по нему скучала и каждый день боялась, что он погиб на дороге. Но он вернулся.

Мое сердце сжалось, словно его стиснули в кулаке. Я подумала о Финли. Был ли он следопытом из той же группы, что и Марлоу?

– Поначалу казалось, что ему немного нездоровится, но в этом не было ничего необычного. У него выматывающая работа, – продолжала Агнес. – Но позапрошлой ночью... начали появляться признаки.

– Позапрошлой? – В голос Виктера пробрались нотки тре-

воги, и мои глаза расширились от ужаса. – И ты ждала до сих пор?

– Мы надеялись, это что-то другое. Простуда или грипп. – Она опять схватилась за пуговицы. Из деревянных кругляшков уже торчали нитки. – Я... я до прошлой ночи не знала, что это не просто простуда. Он не хотел, чтобы я знала. Марлоу – хороший человек, понимаете? Он не пытался скрыть. О-он собирался позаботиться о себе, но...

– Но проклятие этого не позволит, – закончил за нее Виктор, и она кивнула.

Я глянула на дверь. Проклятие у всех развивается по-разному. У одних за считанные часы, у других – за день или два. Но я не знала случаев, чтобы ушло больше трех дней. Когда он уступит – это вопрос времени, возможно, нескольких часов... или даже минут.

– Все хорошо, – заверил ее Виктор, но на самом деле хорошо не было. – Где он сейчас?

Прижав ладонь ко рту, она дернула подбородком в сторону закрытой двери. На рукаве ее блузки виднелись темные пятна.

– Он все еще он, – ее слова прозвучали немного приглушенно. – Он... он все еще здесь. Вот так он хочет уйти к богам. Самим собой.

– В доме есть еще кто-нибудь?

Она покачала головой, испустив еще один прерывистый вздох.

– Вы попрощались? – спросила я.

Женщина дернулась на мой голос, и ее глаза расширились. Плащ на мне довольно бесформенный, так что она удивилась, услышав женский голос. Очень неожиданно увидеть женщину в такой ситуации.

– Это ты, – прошептала она.

Я улыбнулась.

Виктер не улыбался. Краем глаза я заметила, что его рука опять легла на рукоять меча.

Внезапно Агнес начала двигаться. Виктер бросился было вытаскивать меч из ножен, но прежде чем он или я успели среагировать, женщина рухнула на колени передо мной. Склонив голову, она сложила руки под подбородком.

Я вытаращила глаза под капюшоном и медленно перевела взгляд на Виктера.

Он выгнул бровь.

– О тебе говорят, – прошептала она, коротко и резко раскачиваясь. У меня чуть не остановилось сердце. – Говорят, что ты – дитя богов.

Я заморгала, по коже поползли мурашки. Мои родители были из плоти и крови. Я определенно не дитя богов, но в Солисе многие так думают о Деве.

– Кто такое сказал? – спросил Виктер, взглядом предупредив меня, что об этом мы поговорим позже.

Агнес покачала головой, ее щеки были залиты слезами.

– Я не хочу никого втягивать в неприятности. Пожалуй-

ста. Так говорят не со зла и не ради сплетен. Просто... – Она осеклась, посмотрела на меня и почти шепотом договорила: – Говорят, у тебя есть дар.

Определенно кто-то разболтал. У меня по спине пробежала дрожь, но я проигнорировала ее. Боль женщины пульсировала и горела.

– Я не важная персона.

Виктер шумно вдохнул.

– Агнес, пожалуйста.

Я сняла перчатки и положила в карман. Украдкой глянув на Виктера, протянула ей руку из тяжелых складок плаща.

Она уставилась на меня.

Позже мне придется многое выслушать, но любая нотация стоит этого.

Агнес медленно прижала свою ладонь к моей. Пока она вставала, я обхватила пальцами ее холодную руку, думая об искрящемся золотистом песке вокруг моря Страуд, о тепле и смехе. Представила своих родителей, их черты со временем стали нечеткими и расплывчатыми. Ощутила теплый влажный бриз в волосах и песок под ногами.

Это было последнее счастливое воспоминание о родителях.

Рука Агнес задрожала, она резко вздохнула.

– Что?..

Она осеклась, ее рот раскрылся, плечи опустились. Давящая боль исчезла, обрушилась, как спичечный домик под

ураганом. Агнес быстро заморгала мокрыми ресницами, ее щеки порозовели.

Я отпустила ее руку в момент, когда комната показалась более... открытой и светлой. Более свежей. Где-то в тених по-прежнему таилось острое лезвие боли, но теперь она стала терпимой для нее.

Для меня.

– Я не... – Агнес прижала руку к груди, слегка тряся головой. Наморщив лоб, она уставилась на правую руку. Почти робко перевела взгляд на меня. – Я как будто снова могу дышать.

На ее лице отразилось понимание, глаза благоговейно заблестели.

– Дар.

Я убрала руку обратно под плащ, чувствуя напряжение.

Агнес задрожала. Я боялась, что она опять грохнется на пол, но она устояла.

– Спасибо. Большое спасибо. О боги, спасибо...

– Не за что меня благодарить, – оборвала я и спросила еще раз: – Вы попрощались?

Время бежало – время, которого нам не хватало.

Она кивнула. В ее глазах блестели слезы, но горе больше не сжимало ее, как раньше. То, что я сделала, не продлится долго. Боль вернется. Будем надеяться, что к тому времени она сможет с ней справиться. Если же не сможет, то горе всегда будет с ней – призрак, ворующий каждое радостное

мгновение жизни, пока горе не станет единственным переживанием.

– Теперь мы посмотрим на него, – объявил Виктор. – Будет лучше, если ты останешься здесь.

Закрыв глаза, Агнес кивнула.

Поворачиваясь, Виктор коснулся моего предплечья, и я пошла за ним. Когда он потянулся к двери, мой взгляд упал на диванчик возле камина. Полускрытая под диванной подушкой, на нем лежала набивная кукла с лохматыми желтыми волосами из пряжи. По моей коже побежали мурашки, а внутри поднялась тревога.

– Вы... Вы облегчите ему уход?

– Конечно, – ответила я, поворачиваясь к Виктору.

Положив руку ему на спину, я подождала, пока он нагнет голову. Понизив голос, я произнесла:

– Здесь ребенок.

Виктор застыл, держа руку на двери, а я наклонила голову в сторону диванчика. Он проследил взглядом. Я не чувствую присутствия людей, только боль, когда их вижу. Если здесь ребенок, он или она спрятался и, наверное, ничего не знает о том, что происходит.

Но тогда почему Агнес не сказала?

Беспокойство нарастало, в голову лезло самое плохое развитие событий.

– Я займусь тем делом. А ты – этим.

Виктор медлил, в его устремленных на дверь голубых гла-

зах застыла настороженность.

– Я сама могу о себе позаботиться, – напомнила я то, что он уже знал.

Тот факт, что я могу защитить себя, был исключительно его заслугой.

С тяжелым вздохом он пробормотал:

– Но это не значит, что ты всегда должна это делать.

Тем не менее он отошел назад и повернулся к Агнес.

– Тебе не трудно принести выпить чего-нибудь теплого?

– О нет. Конечно нет, – ответила она. – Могу приготовить чай или кофе.

– У тебя нет горячего какао? – спросил Виктор, и я усмехнулась.

Хотя такой напиток может оказаться под рукой у родителя и Виктор мог искать признаки существования ребенка, он питал большую слабость к какао.

– Есть.

Агнес прочистила горло, и я услышала, как она открывает кухонный шкаф.

Виктор кивнул мне. Я шагнула вперед и, приложив ладонь к двери, распахнула ее.

Если бы я уже не подготовилась к приторно-сладкой и горько-кислой вони, меня бы сбило с ног. Подавляя рвотные позывы, я пыталась привыкнуть к слабому свечному освещению. Просто надо... дышать пореже.

Отличный план.

Я окинула спальню быстрым взглядом. За исключением кровати, высокого платяного шкафа и двух хлипких приставных столиков тут ничего не было. Здесь тоже курились благовония, но они не могли заглушить вонь. Я переключилась на кровать, в центре которой лежало неестественно неподвижное тело. Войдя в спальню, закрыла за собой дверь и двинулась вперед, сунув правую руку под плащ. Сжав пальцами всегда холодную рукоять кинжала, я сосредоточилась на человеке. Или на том, что от него осталось.

Я смогла определить только то, что он молод, у него светло-каштановые волосы и широкие дрожащие плечи. Его кожа посерела, щеки ввалились, словно он неделями ничего не ел. Под глазами залегли темные тени, веки то и дело спазматически дергались. Губы были скорее синими, чем розовыми. Сделав глубокий вдох, я опять открыла чутье.

Он испытывал сильную боль, как физическую, так и эмоциональную. Не такую, как Агнес, но не менее мощную и изматывающую. Страдание не оставило места для света и было нестерпимым. Оно давило и терзало, и бедняга знал, что избавления не существует.

Я заставила себя сесть рядом, и по мне пробежала дрожь. Вынув кинжал из ножен, я держала его под плащом, а левой рукой осторожно сняла простыню. Больной лежал с голой грудью и задрожал еще сильнее, когда его восковой кожи коснулся холодный воздух. Я скользнула взглядом по впалому животу.

И увидела рану, которую он скрывал от жены.

Над правым бедром виднелись четыре неровных пореза. Два в ряд сверху и еще два на дюйм ниже.

Его укусили.

Несведущий человек мог решить, что на него напал какой-то дикий зверь, но эту рану оставило не животное. Из нее сочилась кровь и что-то темное, маслянистое. Бледные красновато-синие линии расходились от места укуса к низу живота и исчезали под простыней.

Болезненный стон заставил меня поднять взгляд. Губы мужчины раздвинулись, открывая то, как близок он к участи пострашнее, чем смерть. Десны кровоточили, пачкая зубы.

Зубы уже начали меняться.

Два на верхней челюсти, два на нижней. Я посмотрела на его руку, лежащую рядом с моей ногой. Ногти тоже вытянулись, став больше похожими на звериные когти. Не пройдет и нескольких часов, как его зубы и ногти затвердеют и заострятся. Они смогут резать и рвать кожу и мышцы.

Он станет одним из них.

Жажущим.

Побуждаемый ненасытной жаждой крови, он будет убивать всех, кого увидит. А если кто-нибудь переживет его нападение, то в конце концов станет таким же.

Ну, это касается не всех.

Я не стала.

Но он превращался в существо из тех, что обитают за Ва-

лом, живут в густом неестественном тумане, в той гадости, которую наслало проклятием на эти земли павшее королевство Атлантия. После войны Двух Королей минуло четыреста лет, а зараза по-прежнему держится.

Жаждущие были созданиями атлантианцев, результатом их отравленного поцелуя, который превращал невинных мужчин, женщин и детей в алчных существ, чьи тело и разум извращены и испорчены неутолимым голодом.

Хотя большинство атлантианцев были истреблены, многие еще существовали, и достаточно одного живого атлантианца, чтобы создать дюжину Жаждущих, если не больше. Они не были совершенно безмозглыми. Ими можно управлять, но на это способен только Темный.

Этот бедняга дал отпор и сбежал, но он должен был знать, что означает укус. Мы все с пеленок это знаем. Это часть кровавой истории королевства. Он проклят, и ничего нельзя поделаться. Неужели он вернулся, чтобы попрощаться с женой? С ребенком? Неужели решил, что с ним будет по-другому? Что он благословлен богами?

Что он Избранный?

Это не имеет значения.

Вздыхнув, я подтянула простыню, оставив голой верхнюю часть его груди. Стараясь не дышать слишком глубоко, прижала к ней ладонь. Его плоть... казалась какой-то не такой, похожей на холодную выделанную кожу. Я сосредоточилась на пляжах Карсодонии и блистающих голубых водах мо-

ря Страуд. Вспомнила пышные облака. Они выглядели как мирный туман. Подумала о Садах Королевы рядом с замком Тирман, где я могла просто гулять, ни о чем не думать и ничего не чувствовать. Где всё, в том числе мой разум, было спокойным и безмятежным.

Подумала о теплоте тех слишком коротких мгновений с Хоуком.

Марлоу перестал трястись, подергивание век немного стихло. Морщины в уголках глаз разгладились.

– Марлоу? – позвала я, игнорируя тупую боль, разгорающуюся у меня за глазами.

Головная боль неизбежна. Она всегда приходит, когда я неоднократно открываю чутье или пользуюсь даром.

Грудь под моей рукой поднялась, слипшиеся ресницы затрепетали. Он открыл глаза, и я напряглась. Они оказались голубыми. В основном. На радужке появились красные пятнышки. Скоро глаза утратят всю голубизну и полностью покраснеют.

Его пересохшие губы разомкнулись.

– Ты... ты Рейн? Пришел забрать меня?

Он подумал о боге обычных людей и окончаний, о боге смерти.

– Нет, я не Рейн.

Зная, что его боль улеглась достаточно надолго и времени хватит, я подняла левую руку и сделала то, что было категорически запрещено. Не только герцогом и герцогиней Ма-

садонии, не только королевой, но также богами. Я сделала то, о чем просил Хоук, но получил отказ. Скинув капюшон, я сняла белую полумаску, которую носила на случай, если плащ соскользнет, и открыла лицо.

Я надеялась, что в подобных ситуациях боги могут сделать исключение.

Он окинул окаймленными алым глазами мои черты, начиная от медных кудрей на лбу, перевел взгляд на мою правую щеку, потом на левую. Задержался на доказательствах того, на что способны клыки Жаждущего. Не подумал ли он то же, что и герцог?

«Какая жалость».

Похоже, эти два слова были у герцога любимыми. И еще: «Ты меня расстроила».

– Кто ты? – просипел Марлоу.

– Мое имя – Пенеллаф, но мой брат и еще несколько человек называют меня Поппи.

– Поппи? – прошептал он.

Я кивнула.

– Странное прозвище, но так меня звала мама. Оно прилипчивое.

Марлоу медленно прикрыл глаза.

– Зачем?.. – В уголках его губ появились трещинки, из новых ранок сочилась кровь и темнота. – Зачем ты здесь?

Заставив себя улыбнуться, я крепче стиснула рукоятку кинжала и совершила еще одно действие, которое должно

бы помешать моему вхождению в храм. Но пока что ничего такого не произошло. Я не впервые открываю себя умирающим.

– Я Дева.

Его грудь поднялась в резком вдохе, и он закрыл глаза. По нему пробежала дрожь.

– Ты Избранная, рожденная под покровом богов, защищенная еще в утробе, с рождения закрытая вуалью.

Да, это я.

– Ты... ты здесь ради меня. – Он открыл глаза, и я заметила, что краснота в них разлилась еще сильнее, оставив только намек на голубизну. – Ты... ты дашь мне умереть достойно.

Я кивнула.

Никому из проклятых укусом Жаждущего не дано умереть в своей постели, тихо и мирно. Доброта и сочувствие – не для них. Обычно их вытаскивают на городскую площадь и сжигают заживо перед горожанами. И неважно, что большинство стали проклятыми на службе во благо королевства или защищая тех, кто приветствует их ужасный конец.

Взгляд Марлоу переместился на закрытую дверь позади меня.

– Она... она хорошая женщина.

– Она сказала, ты хороший человек.

Жуткие глаза устремились на меня.

– Я... – Его верхняя губа изогнулась, обнажая смертельно острый зуб. – Я недолго буду хорошим человеком.

– Да, недолго.

– Я... Я пытался сделать это сам, но...

– Все хорошо.

Я медленно вытащила из-под плаща кинжал. Темно-красный клинок блеснул в свете свечи.

Марлоу уставился на кинжал.

– Кровокамень.

Пока признаки проклятия не появились, смертного можно убить любым способом, но уже проклятого берет только огонь или кровокамень. А полностью обращенного Жаждущего убивает только кровокамень или заостренный кол из древесины деревьев, выросших в Кровавом лесу.

– Я только... только хотел попрощаться. – Он содрогнулся. – Вот и всё.

– Я понимаю, – сказала я. Пусть мне хотелось бы, чтобы он не приходил, но чтобы понять его действия, мне не обязательно с ними соглашаться. Боль начала возвращаться к нему, резко усиливаясь и снова отступая. – Марлоу, ты готов?

Опять глянув на закрытую дверь, он опустил веки и кивнул.

С тяжелым сердцем, не зная, его или мое горе давит на меня, я немного подвинулась. Если у вас есть клинок из кровокамня или сук из Кровавого леса, то существует два способа убить Жаждущего или проклятого. Проткнуть сердце или поразить мозг. Первое не означает мгновенной смерти.

Пройдут минуты, прежде чем несчастный истечет кровью, это болезненно и... грязно.

Прижав левую ладонь к ледяной щеке, я наклонилась...

– Я... я был не один, – прошептал Марлоу.

Мое сердце замерло.

– Что?

– Ридли... его... его тоже укусили. – Он испустил свистящий вздох. – Он хотел попрощаться с отцом. Я не... не знаю, позаботился он о себе или нет.

Если этот Ридли тянул до тех пор, пока не появились признаки проклятия, то он уже не способен о себе позаботиться. Что-то в крови Жажущих и атлантианцев запускает примитивный инстинкт выживания.

Боги!

– Где живет его отец?

– В двух кварталах. Третий дом. Синие... кажется, синие ставни, но Ридли... он живет в казармах с... с остальными.

Боги милостивые, это скверно.

– Ты поступил правильно, – сказала я, жалея, что он не сделал этого раньше. – Спасибо.

Марлоу поморщился и опять открыл глаза. Они больше не были голубыми. Ему осталось совсем чуть-чуть. Секунды.

– Я не...

Я ударила стремительно, как черная гадюка из ложбин на дороге к храмам. Острие кинжала вонзилось в мягкое место у основания черепа. Под углом вперед и между позвонками;

клинок вошел глубоко, перерезав мозговой ствол.

Марлоу дернулся.

Вот и всё. Он испустил последний вздох прежде, чем я это поняла. Смерть была настолько быстрой, насколько это возможно.

Вытащив клинок, я встала с кровати. Глаза Марлоу были закрыты. Это... это небольшое благословение. Агнес не увидит, насколько близко он подошел к тому, чтобы превратиться в ночной кошмар.

– Может, Рейн отведет тебя в рай, – прошептала я, вытирая кинжал маленьким полотенцем с приставного столика. – И может, ты обретешь вечный покой с теми, кто ушел до тебя.

Отвернувшись от кровати, я убрала кинжал в ножны, надела маску и накинула капюшон на голову.

Ридли.

Я направилась к двери.

Если Ридли еще жив, до обращения ему остались считанные минуты. Сейчас ночь, и если он в казармах, где спят те, кто не на дежурстве...

Я содрогнулась.

Как бы тренированы они ни были, они уязвимы так же, как и любой спящий. Мне на ум пришел один конкретный гвардеец с Вала, и мое нутро пронзил страх.

Очень скоро начнется резня.

Что еще хуже, проклятие распространится. А я как никто

другой знала, насколько быстро оно разорит город, оставив на улицах только лужи крови.

Глава 5

Мы оставили Агнес в спальне. Она прижимала к груди обмякшую руку мужа и бережно убирала с его лица волосы.

Этот образ я нескоро забуду.

Но я не могу на этом заикливаться. Я узнала от Виктера, что у Агнес есть дочь, но, к счастью, ее отправили к друзьям, сказав, что отец заболел. Виктор не видел причин не верить Агнес. Я испытала облегчение от того, что мои худшие опасения не подтвердились. Что ребенок не проклят тоже. Когда кто-то проклят, его укус может передавать проклятие, и хотя Марлоу не полностью обратился, с момента укуса он был подвержен вспышкам неконтролируемой ярости и жажды.

Теперь я стояла перед еще одной крохотной хижиной, в тених узкого грязного переулка, и выслушивала очередную трагедию. Как только я поделилась с Виктером словами Марлоу, мы отправились напрямиком к отцу Ридли, поскольку это ближе, чем казармы. Я была безмерно рада тому, что не смотрю на этого мужчину, потому что слышала в его голосе душераздирающие нотки, когда он рассказывал Виктеру о случившемся. У меня раскалывалась голова. Если я увижу бедного отца, то захочу как-то облегчить его боль. Как только Виктор спросил у старика, не видел ли он сына, тот сразу понял, зачем пришел Виктор.

Ридли не смог о себе позаботиться.

Однако отец смог.

Он показал Виктеру место во дворе под грушей, где похоронил Ридли. Он оборвал жизнь сына днем раньше.

Я все еще думала об этом, когда мы с Виктером брели по густой роще за цитаделью, чтобы не нарваться на городских гвардейцев. Когда-то в Роще Желаний в изобилии водились животные – олени и дикие кабаны, но после многих лет охоты остались только самые крохотные существа и огромные хищные птицы. Теперь роща служила чем-то вроде границы между имущими и неимущими: густая полоса деревьев стирала тесные жилища Нижнего квартала с глаз тех, кто живет в домах втрое больше того, в котором горюет Агнес. Часть рощи, ближе к центру города, расчистили и разбили там парк, где проводят ярмарки и праздники, катаются верхом, торгуют и устраивают пикники в теплые дни. Роща буквально врезалась во внутреннюю стену замка Тирман.

Мало кто отваживался ходить через рощу: считалось, что здесь блуждают души умерших. Или души гвардейцев? Или же между деревьями бродят духи загнанных на охоте животных? Точно не знаю, существует много разных версий. В любом случае, они нам на руку. Мы легко можем выскользнуть незамеченными из Садов Королевы в рощу, нужно только следить за патрулями. А уж из рощи можно идти куда угодно.

– Нам нужно обсудить то, что произошло в том доме, – заявил Виктер, когда мы пробирались по лесу, ведомые лишь проблесками лунного света. – О тебе говорят.

Я знала, что этот разговор неизбежен.

– И ты используешь свой дар там, где он все равно не поможет, – добавил он, стараясь говорить тихо, хотя нас некому было подслушивать. Разве что какому-нибудь еноту или опоссуму. – Ты по сути просто подтверждаешь, кто ты.

– Если люди и говорят, они ничего не разболтали, – ответила я. – И я должна что-то делать. Боль той женщины была... невыносимой для нее. Она нуждалась в передышке.

– И стала невыносимой для тебя тоже? – предположил он. Я ничего не ответила. – Голова сейчас болит?

– Ничего страшного, – отмахнулась я.

– Ничего страшного? – прорычал он. – Я понимаю, почему ты хочешь помочь, и уважаю это желание. Но это риск, Поппи. Еще никто ничего не разболтал – наверное, люди чувствуют, что в долгу у тебя. Но это может измениться, и тебе нужно быть осторожнее.

– Я осторожна.

Хоть я не могла видеть его лица под капюшоном, я знала, что он смотрит на меня с недоверием. Я усмехнулась, но улыбка быстро пропала.

– Я знаю, что риск...

– И если герцог обнаружит, чем ты занимаешься, ты готова к последствиям?

У меня внутри все ухнуло.

– Да, – ответила я, играя с выбившейся из плаща ниткой.

Виктер выругался вполголоса. В любой другой ситуации

я бы захихикала.

– Ты смелая, как гвардеец с Вала.

– Принимаю это как большой комплимент, – улыбнулась

я. – Спасибо.

– И такая же глупая, как любой новобранец.

Уголки моих губ опустились.

– Забираю свое «спасибо» обратно.

– Мне не следовало позволять тебе этим заниматься. – Он поймал низкую ветку и отодвинул в сторону. – Ты слишком часто выдаешь себя людям, а это очень рискованно.

Пройдя под веткой, я посмотрела на него и напонила:

– Ничего ты мне не позволял. Просто не мог помешать.

Он остановился, схватил меня за руку и развернул лицом к себе.

– Я понимаю, почему ты хочешь помогать. Ты ничего не могла поделать, когда умирали твои отец и мать.

Я дернулась.

– Это не имеет к ним никакого отношения.

– Это неправда, и ты это знаешь. Ты пытаешься восполнить то, что не могла сделать в детстве. – Он понизил голос так, что я с трудом слышала его сквозь ветер, шумящий в листве. – Но есть еще кое-что.

– И что же это?

– Мне кажется, ты хочешь, чтобы тебя поймали.

– Что? Ты правда так думаешь? – Я шагнула назад, вырываясь из его хватки. – Тебе прекрасно известно, что делает

герцог, если узнает.

– Поверь, известно. Вряд ли я забуду хоть один раз, когда мне приходилось помогать тебе возвращаться в комнату.

Его голос стал жестким, и у меня вспыхнули щеки.

Я это ненавидела.

То, что чувствую порой, когда со мной что-то делают. Мне ненавистен удушающий, непереносимый стыд.

– Ты слишком сильно рискуешь, Поппи, даже зная, что тебе придется отвечать не только перед герцогом или королевой. Иногда мне кажется, ты хочешь, чтобы тебя признали недостойной.

Меня охватило раздражение. В глубине души я знала: это оттого, что Виктор разбередил старые раны и подобрался слишком близко к скрытой правде, которую я не хотела вытаскивать наружу.

– Поймают меня или нет, разве боги уже не знают, что я делаю? Если от них ничего не скроешь, то о каком лишнем риске может идти речь?

– Тебе вообще незачем рисковать.

– Тогда зачем ты обучал меня последние пять лет или около того? – требовательно спросила я.

– Потому что знаю, зачем тебе нужно чувствовать, что ты можешь себя защитить, – бросил он в ответ. – После того, что ты перенесла, с чем тебе приходится жить, я могу понять, что тебе необходимо уметь самой постоять за себя. Но если бы я знал, что ты будешь ввязываться в ситуации, где есть

риск выдать себя, я бы не стал тебя обучать.

– Ну, теперь слишком поздно, чтобы передумать.

– Вот именно, – вздохнул он. – И чтобы избежать того, о чем я только сказал.

– Чего избежать? – я прикинулась, что не понимаю.

– Ты знаешь, о чем я.

Качая головой, я отвернулась и пошла дальше.

– Я помогаю людям не потому, что хочу, чтобы боги сочли меня недостойной. Я помогла Агнес не потому, что хотела, чтобы она рассказала кому-нибудь и правда обо мне вышла наружу. Я помогаю потому, что нельзя еще больше усугублять трагедию и заставлять людей смотреть, как их близких сжигают.

Я перешагнула упавшую ветку. Головная боль усиливалась. Однако она не имела никакого отношения к моему дару – ее вызвал этот разговор.

– Прости, что опровергла твою теорию, но я не мазохистка.

– Нет, – сказал он за моей спиной. – Не мазохистка. Ты просто боишься.

Я резко обернулась к нему.

– Боюсь?

– Твоего Вознесения. Да. Ты боишься. В этом не стыдно признаться. – Он прошел вперед и замер передо мной. – По крайней мере, мне.

Но другим, моим опекунам или жрецам, я бы никогда не

призналась. Они сочли бы страх святотатством, как будто единственная причина бояться – это что я жду чего-то ужасного, а не потому что просто понятия не имею, что со мной произойдет при Вознесении.

Буду ли я жить.

Или умру.

Я закрыла глаза.

– Я понимаю, – повторил Виктор. – Ты не представляешь, что случится. Я понимаю, да, но... Поппи, независимо от того, рискуешь ты умышлено или нет, боишься или нет, результат не изменить. Своими действиями ты только навлечешь гнев герцога. И всё.

Я открыла глаза, но ничего не увидела в темноте.

– Неважно, что ты делаешь, тебя все равно не признают недостойной. Ты вознесешься.

* * *

Большую часть ночи я не спала из-за слов Виктера и в итоге пропустила обычную утреннюю тренировку в одной из старых комнат в заброшенной части замка. Виктор так и не постучал в старую дверь для слуг, что неудивительно.

Не знаю, чем еще это может быть, как не доказательством того, насколько хорошо он изучил меня.

Я на него не сердилась. Если честно, я могла раздражаться на него чуть ли не через день, но никогда не сердилась.

Не думаю, что он решил, будто я сержусь. Просто прошлой ночью он... задел за живое и понимал это.

Я боялась Вознесения. Я это знала. И Виктер знал. А кто бы не боялся? Хотя Тони считает, что я вернусь Вознесшейся, никакой уверенности в этом нет. С Йеном было не так, как со мной. Когда мы жили в столице и росли здесь, его не связывали никакие правила. Он вознесся, потому что он брат Девы, Избранной, и потому что королева просила об исключении.

Так что да, я боялась.

Неужели я намеренно выхожу за рамки дозволенного и радостно танцую на грани в надежде, что меня сочтут недостойной и лишат моего статуса?

Это было бы... в высшей степени неразумно.

Я могу быть довольно неразумной.

Например, когда я увидела паука, то повела себя с хладнокровием наемного убийцы, словно паук был размером с лошадь. Это было неразумно. Но если меня признают недостойной, то изгонят, что равносильно смертному приговору. Если я боюсь умереть во время Вознесения, изгнание уж точно не улучшит ситуацию.

И я боялась умереть, но мои опасения насчет Вознесения заключались не только в этом.

Это был не мой выбор.

Я с этим родилась, так же, как и все вторые сыновья и дочери. Хотя никто из них, похоже, не боялся своего будущего,

оно тоже не было их выбором.

Я не лгала и не имела никаких тайных намерений, когда помогала Агнес или показывала себя Марлоу. Я сделала это, потому что могла, потому что это был мой выбор. Я училась обращаться с мечом и луком, потому что это был мой выбор. Но не таились ли и другие мотивы в том, чтобы улизнуть тайком и посмотреть бой или поплавать без одежды? Пойти в игорный дом или пробраться в части замка, куда запрещено ходить? Или подслушивать разговоры, не предназначенные для моих ушей? Уходить из своих покоев без Виктера или Рилана, чтобы шпионить на балах в Большом зале или подглядывать за людьми в Роше Желаний? А что насчет «Красной жемчужины»? А того, что я позволила Хоуку меня поцеловать? Прикасаюсь ко мне? Все это я делала по своему выбору, но...

Но могло ли быть так, как предположил Виктор?

Что, если в глубине души я не просто пыталась жить в свое удовольствие и испытать как можно больше перед Вознесением? Что, если я бессознательно старалась сделать все, чтобы Вознесения не произошло?

Эти мысли преследовали меня весь день, и в кои-то веки я не так уж сильно тяготилась своим заточением. По крайней мере, до тех пор, пока не зашло солнце. Тони я отпустила задолго до ужина – ей незачем сидеть со мной, пока я угрюмо пялюсь в окна. Наконец я разозлилась на саму себя и рывком открыла дверь.

В коридоре бездельничал Рилан.

Я резко вдохнула.

– Куда-то собралась, Пен? – поинтересовался он.

Пен.

Так меня называл только Рилан. Мне нравилось. Я отпустила дверь, и она медленно качнулась назад, ударив меня по плечу.

– Не знаю.

Он ухмыльнулся, провел рукой по светло-каштановым волосам.

– Пора, не правда ли?

Оглянувшись на окно, я увидела, что уже смеркается, и удивленно вздрогнула. Целый день потратила впустую на самокопание.

Если бы это услышала жрица Аналия, она пришла бы в восторг, но предмет моих размышлений ее бы не обрадовал. Как бы там ни было, мне хотелось дать себе пощечину.

Но уже пора. Я кивнула и начала выходить...

– Кажется, ты кое-что забыла, – сказал Рилан, похлопывая себя по бородатому лицу.

Вуаль.

Боги милостивые, я чуть не вышла в коридор без вуали или капюшона. Если не считать опекунов – герцога и герцогиню, – без вуали меня позволялось видеть только Тони, Виктеру и Рилану. Ну, еще королеве с королем и Йену, но их тут точно нет. Будь в коридоре кто-то еще, он бы, наверное,

упал замертво.

– Я сейчас вернусь!

Его ухмылка стала еще шире, а я бросилась обратно в комнату и надела вуаль. У меня ушло несколько минут на то, чтобы застегнуть все цепочки. Тони управлялась с ними гораздо быстрее.

Я начала выходить...

– Обувь, Пен. Тебе нужно обуться.

Оглядев себя, я издала неподобающий леди стон.

– Боги! Минутку!

Рилан захихикал.

Совершенно растерянная, я надела сильно поношенные туфли, что представляли собой всего лишь атлас на тонкой кожаной подошве, и опять открыла дверь.

– Плохой день? – предположил Рилан, входя в комнату.

– Странный день, – возразила я, направляясь к ходу для слуг. – Я такая рассеянная.

– Похоже на то, раз ты не замечаешь времени.

Рилан прав. Если ничего не случилось, перед самым закатом он или Виктор всегда были готовы меня сопровождать.

Мы быстро двигались по узкому, пыльному лестничному пролету. Лестница вела к площадке перед кухней. Хотя мы шли по старому ходу, чтобы нас видело как можно меньше людей, совсем избежать свидетелей было невозможно. Кухонные слуги останавливались на полушаге, когда мы с Риланом проходили мимо. Коричневая одежда и белые колпа-

ки делали их почти неотличимыми друг от друга. Я услышала, как на пол упала корзина с картошкой, и уловила строгое, хлесткое замечание. Краем глаза увидела склоненные, будто в молитве, головы.

Я подавила стон, а Рилан поступил как всегда и притворился, что в их поведении нет ничего странного.

«Ты дитя богов».

Я вспомнила слова Агнес. Они так считают только из-за вуали, картин и разных других произведений искусства, изображающих Деву.

А еще потому, что они нечасто меня видели.

Мы шли к пиршественному залу. Оттуда можно выйти в фойе и попасть в Сады Королевы. Там будет еще больше слуг, но другого пути из замка нет, разве что слезть по стене. Мы шагали мимо длинного стола, когда позади нас открылась одна из множества дверей, расположенных вдоль обеих стен.

– Дева!

От омерзения я покрылась гусиной кожей. Я узнала голос и хотела двигаться дальше, притворившись, что внезапно оглохла.

Но Рилан остановился.

Если бы я пошла дальше, ничем хорошим это бы не кончилось.

Набрав побольше воздуха, я повернулась к лорду Брендолу Мэзину. Я видела не то, что большинство, – темноволо-

сого мужчину лет двадцати пяти, привлекательного и высокого. Я видела грубияна.

Я видела жестокого человека, который давно забыл, что значит быть смертным.

В отличие от герцога, который, похоже, ненавидел меня ни за что, я точно знала, почему лорду Мэзину так нравится меня изводить.

Из-за Йена.

Причина была самая суетная и несущественная из всех возможных. За год до того, как мой брат вознесся, он обыграл лорда Мэзина в карты, и лорд невежливо предположил, что Йен жульничает. Я, хотя мне вообще не следовало присутствовать при игре, рассмеялась. В основном потому, что лорд совершенно не умеет играть в покер. С того момента лорд при любой возможности изводил меня и Йена. После Вознесения Йена стало только хуже, и лорд начал... помогать герцогу с его уроками.

Сцепив руки, я молчала, а он зашагал ко мне. На нем была черная рубашка, длинные ноги обтягивали черные штаны. Темная одежда резко контрастировала с бледной кожей и губами цвета спелых ягод. Его глаза...

Мне не нравилось в них смотреть. Они казались бездонными и пустыми.

Как у всех Вознесшихся, они были такими черными, что не видно зрачков. Интересно, какого цвета были его глаза до Вознесения? Он вообще это помнит? Лорд выглядел так,

словно прожил всего два десятка лет, но я знала, что он вознесся после войны Двух Королей вместе с герцогом и герцогиней. Ему сотни лет.

Когда я не ответила, лорд Мэзин натянуто улыбнулся поджатыми губами.

– Удивлен, что вижу тебя здесь.

– Она идет на вечернюю прогулку, – сказал Рилан ровным тоном. – Как ей позволено.

Похожие на осколки обсидиана глаза устремились на гвардейца.

– Я тебя не спрашивал.

– Я иду на прогулку, – выступила я вперед, прежде чем Рилан вымолвил еще хоть слово.

Пугающий бездонный взгляд переместился на меня.

– Ты идешь в сад? – Уголок его губ изогнулся, а я вздрогнула от неожиданности. – Разве не туда ты всегда ходишь в это время суток?

Он не ошибался.

И меня весьма обеспокоило то, что лорд об этом знает.

Я кивнула.

– Она уже должна идти, – вмешался Рилан. – Как вам известно, Деву нельзя задерживать.

Другими словами, мне не позволено ни с кем общаться, даже с Вознесшимися. Лорд это знал.

Но пренебрегал этим правилом.

– Дева также должна быть вежливой. Я желаю с ней гово-

ритель и уверен, что герцог очень расстроится, когда узнает, что она не захотела отвечать.

Я выпрямилась. Волна негодования пробежала по мне, и я едва не потянулась за кинжалом. Такая реакция меня в какой-то степени шокировала. Что бы я натворила, если бы не остановилась? Пырнула бы его? Я чуть не рассмеялась.

Но ничего забавного здесь нет.

Завуалированная угроза пожаловаться герцогу возымела действие. Лорд загнал нас с Риланом в угол, потому что хотя мне и нельзя общаться, по воле герцога на лорда Мэзина не распространяются те же правила, что и на всех. Если я уйду, меня накажут. И Рилана тоже. И хотя мое наказание не будет легким, его нельзя сравнить с тем, что ждет Рилана.

Его могут выгнать из королевской гвардии, и герцог постарается предать огласке то, что Рилан утратил его благосклонность. Рилан станет безработным и обесчещенным. Это не то же самое, что изгнание, но жить ему станет неизмеримо труднее.

Я расправила плечи.

– Ничего не хотела так сильно, как поговорить с вами.

Его красивые черты исказило самодовольство. А мне ничего не хотелось так сильно, как врезать ему по лицу.

– Идем. – Он обвил рукой мои плечи. – Я хочу поговорить наедине.

Рилан шагнул вперед...

– Все хорошо, – заверила я, оглянувшись через плечо, хо-

тя на самом деле хорошо не было. Но я хотела, чтобы он послушался. – Правда, все в порядке.

Он стиснул зубы, уставившись на лорда. Рилана несколько не радовала эта ситуация, но он коротко кивнул.

– Я буду здесь.

– Да, будь, – отозвался лорд.

Боги!

Не все Вознесшиеся такие, как лорд, который использовал свою власть и статус как отравленный меч, но лорд Мэзин еще не худший экземпляр.

Он повел меня налево, столкнувшись со служанкой, которая чуть не выронила ведро. Он, похоже, вообще ее не заметил. Моя надежда на то, что он поговорит, отойдя на несколько шагов в сторону, быстро угасла, когда он направился в темную нишу между дверями.

Мне следовало знать.

Он отодвинул плотные белые портьеры и затащил меня в тесное пространство, где единственным источником света был маленький светильник над кушеткой, заваленной подушками. Я понятия не имела, для чего предназначены эти полускрытые комнатки, но уже не раз оказывалась в их ловушке.

Я шагнула назад, немного удивившись, что лорд мне это позволил. Он смотрел на меня с самодовольной ухмылкой, а я остановилась поближе к портьере. Он сел на кушетку, вытянул ноги и сложил руки на груди.

Мое сердце колотилось. Тщательно подбирая слова, я произнесла:

– Я правда не могу задерживаться. Если меня кто-нибудь увидит, у меня будут неприятности со жрицей Аналией.

– И что же случится, если добрая жрица из храма узнает, что ты задержалась?

Его тело казалось расслабленным и обмякшим, но я знала, что это не так.

Внешность может быть обманчивой. Вознесшиеся действуют быстро, когда хотят. Я видела, как они двигаются, превращаясь в размытую полосу.

– Пожалуется герцогу на плохое поведение? – продолжал он. – Мне так нравятся его уроки.

Отвращение росло во мне, точно сорняк. Разумеется, ему нравятся уроки герцога.

– Не уверена, что она пожалуется.

– Это можно проверить, – лениво предложил он. – По крайней мере, мне интересно.

Я сжала кулаки.

– Не хочу сердить герцога или жрицу.

Он опустил ресницы.

– Не сомневаюсь, что не хочешь.

От впившихся в ладонь ногтей разошлась резкая, жгущая боль.

– О чем вы хотели со мной поговорить?

– Ты задала вопрос неподобающим образом.

Я пыталась удержать себя в руках, успокоиться и была благодарна вуали. Если бы он видел мое лицо полностью, то точно бы знал, что я чувствую.

Раскаленную до красна ненависть.

Я не знала, почему лорду доставляет такое удовольствие приставать ко мне. Почему ему нравится заставлять меня чувствовать неловкость. Но он занимался этим уже несколько лет. Хотя со слугами он обращался еще хуже. Я слышала, как шепотом предостерегали новый персонал: избегайте привлекать его внимание или вызывать недовольство. Так или иначе, со мной он не заходил дальше определенных границ. Что касается слуг, то тут я сомневаюсь, что для него существовала какая-то черта.

Я вздернула подбородок.

– Что вам угодно обсудить со мной, лорд Мэзин?

На его лице появился намек на холодную улыбку.

– Что-то я давно тебя не видел.

Прошло шестнадцать дней с тех пор, как он в последний раз загонял меня в угол. То есть не так уж давно.

– Я по тебе скучал, – добавил он.

Сомнительно.

– Милорд, мне нужно идти...

Я резко втянула воздух. Он поднялся. Только что сидел, развалившись, на кушетке, и в следующую секунду уже стоит передо мной.

– Я оскорблен. Я сказал, что скучал по тебе, а ты гово-

ришь, что тебе нужно идти? Ты меня ранила.

То, что он произнес почти те же слова, что и Хоук две ночи назад, не прошло для меня незамеченным. Как и моя абсолютно разная реакция на них. Хоук меня поддразнивал, а лорд Мэзин предупреждал. Сейчас эти слова меня не очаровали, а возмутили.

– Это не входило в мои намерения, – выдавила я.

– Уверена? – Его палец прижался к моему подбородку прежде, чем я даже заметила движение его руки. – А у меня сложилось впечатление, что ты сделала это намеренно.

– Нет.

Я отклонилась назад...

Он обхватил пальцами мой подбородок, удерживая мою голову. Когда я сделала очередной вдох, мне показалось, его пальцы пахнут... цветами, мускусом и конфетами.

– Постарайся быть более убедительной, если хочешь, чтобы я поверил.

– Простите, если я не так убедительна, как должна быть. – Мне потребовались усилия, чтобы говорить ровно. – Вам не следует ко мне прикасаться.

Он с ухмылкой провел большим пальцем по моей нижней губе. По мне словно пробежали тысячи крохотных насекомых.

– Это почему же?

Лорд точно знал почему, но я все равно ответила:

– Я Дева.

– Да.

Он провел пальцами по моему подбородку до жесткого кружева, прикрывающего горло. Его рука двинулась дальше к моей ключице.

Моя ладонь горела от желания ощутить рукоятку кинжала, а тренированные мышцы напряглись, готовясь действовать – остановить его. По мне пробежала дрожь, я боролась с желанием дать отпор. Но это не стоило того, что случится. Я твердила это себе, пока его пальцы скользили вниз по моему платью. Это был не просто страх наказания. Если я покажу свои навыки, герцог узнает, что меня обучали, и не так уж трудно догадаться, что виноват в этом Виктер. Опять же, с чем бы я ни столкнулась, это ничто по сравнению с тем, что ждет моего охранника.

Но больше я терпеть не могла.

Я шагнула назад, создавая между нами расстояние.

Лорд Мэзин склонил голову набок и негромко рассмеялся. Инстинкт сработал, я кинулась к портьеру, но недостаточно быстро. Он поймал меня за бедро. Не дав мне и секунды, обвил рукой мою талию и прижал спиной к себе. Его другая рука оставалась там же, где была, – между моих грудей. От соприкосновения с его телом меня охватило отвращение.

– Помнишь последний урок? – Я ощутила на коже под вуалью его ледяное дыхание. – Не поверю, что ты забыла.

Я не забыла ни одного.

– Ты даже не пискнула, а я знаю, что было больно. – Он

крепче стиснул мою талию, и даже при своих крайне ограниченных познаниях я догадалась, к чему прижимаюсь. – Признаю, ты меня впечатлила.

– Рада это слышать. – Я заскрежетала зубами.

– А, вот оно что, – проговорил он. – Этот тон не подходит Деве. Такой тон уже принес тебе неприятности один, два или даже дюжину раз. Интересно, когда ты проявишь свой норов? Уверен, ты тоже помнишь, что случилось в прошлый раз.

Разумеется, это я тоже помнила.

Я вышла из себя и огрызнулась в ответ герцогу. Он ударил меня так, что я потеряла сознание. Очнувшись, я чувствовала себя так, будто по мне проскакала лошадь, а герцог с лордом развалились на диванчике и, по-видимому, выпили бутылку виски, пока я лежала на полу.

Несколько дней я чувствовала себя так, будто заболела гриппом. Наверное, у меня было небольшое сотрясение мозга.

Тем не менее это стоило того, чтобы увидеть изумление в обычно невозмутимом взгляде герцога.

– Может, я сам пойду к герцогу, – размышлял он. – Расскажу ему, как неуважительно ты себя вела.

Я уставилась на серый камень стены. В крови у меня вскипела ярость.

– Отпустите меня, лорд Мэзин.

– Ты плохо просишь. – Его бедра прижались к моим, и

моя кожа вспыхнула от гнева. – Ты не сказала пожалуйста.

Я ни за что не скажу пожалуйста. Будь прокляты последствия, с меня довольно. Я ему не игрушка. Я Дева, и хотя он невероятно быстр и силен, я знаю, что могу причинить ему боль. На моей стороне элемент неожиданности, и мои ноги свободны. Я встала пошире, и тут ощутила на подбородке что-то влажное...

До нас донесся крик, и от неожиданности герцог ослабил хватку. Я вырвалась и развернулась к нему. С бешено бьющимся сердцем просунула руку в разрез на платье, к рукоятке кинжала.

Лорд пробормотал что-то, а крик повторился – пронзительный и полный ужаса.

Воспользовавшись тем, что он отвлекся, я ринулась за портьеры вместо того, чтобы достать кинжал и отрезать то, что, уверена, лорд считал своей главой ценностью.

Лорд раздвинул портьеры и выскочил из ниши, но на крики в пиршественный зал уже бежали люди. Слуги, королевские гвардейцы. Теперь лорд Мэзин ничего не сделает. Я это знала.

Я встретилась с ним взглядом сквозь вуаль. У него раздувались ноздри. Он тоже знал.

Крик раздался снова. Он доносился из одной из ближайших комнат. Через две двери от нас третья была открыта.

Ко мне подскочил Рилан.

– Пен...

Я увернулась от него и побежала на звук. Случившееся в нише с лордом отошло на второй план. Я сжала рукоятку кинжала. Крики – всегда плохой знак.

Из комнаты выскочила женщина – служанка, которая несла ведро. В ее лице не было ни кровинки, она сжимала и разжимала руку на горле. Качая головой, она попятилась назад.

Я добежала одновременно с Риланом и заглянула внутрь. Я увидела ее сразу.

Она лежала на кушетке цвета слоновой кости, бледно-голубое платье измято и спущено до талии. Одна рука безвольно свесилась, кожа приобрела меловой оттенок. Мне не нужно было открывать чутье, чтобы понять, что она не испытывает боли.

Она вообще больше ничего не испытает.

Я подняла взгляд. Ее голова покоилась на подушке, шея была вывернута под неестественным углом и...

– Не надо на это смотреть.

Рилан схватил меня, и на этот раз я не стала вырываться. Не остановила его, когда он отвернул меня. Но я уже увидела.

Увидела глубокие раны-проколы.

Глава 6

Пока лорд Мэзин и еще несколько человек стояли в дверях, пялясь на мертвую девушку, Рилан быстро отвел меня обратно в комнату. Мне хотелось вытолкнуть лорда и закрыть дверь. Хотя жертва была одета, слишком много плоти выставлено напоказ. Это лишало ее достоинства и вызывало нездоровое любопытство.

Она была личностью, и хотя от нее осталась всего лишь оболочка, она приходилась кому-то дочерью, сестрой, подругой. А люди будут говорить в основном о том, в каком виде ее нашли, что ее юбка задралась, а лиф сполз до талии. Не надо никаких свидетелей.

Однако мне не дали возможности их прогнать.

Все в замке Тирман фактически находились в изоляции, пока каждый уголок более чем сотни комнат осматривали в поисках преступника или других жертв.

Я сидела в кресле, а Тони расхаживала перед камином, теребя крохотные жемчужные пуговицы на лифе.

– Это Жаждущий, – сказала она. Темно-фиолетовое платье шелестело вокруг ее ног. – Наверняка Жаждущий.

Я посмотрела на Рилана, который стоял, прислонившись к стене и сложив руки на груди. Обычно он дежурил снаружи моей комнаты, но сегодня другое дело. Виктор помогал с поисками, однако я предполагала, что он скоро вернется.

На мне не было вуали, и Рилан поймал мой взгляд. Он видел ту девушку.

– Думаешь, это был Жаждающий? – спросила я.

Он ничего не ответил.

– Кто еще это может быть? – Тони повернулась ко мне. – Ты сама сказала, что ее укусили...

– Я сказала, что рана выглядит как укус, но... не похожа на укус Жаждающего.

– Я знаю, что ты видела укусы Жаждающих. – Тони села напротив меня, по-прежнему крутя жемчужины, как это делала Агнес с пуговицами на своей блузке. – Но почему ты так уверена?

– У Жаждающих четыре удлиненных клыка, – объяснила я. Тони кивнула: это общеизвестно. – Но на жертве было только две отметины, словно...

– Словно ей проткнули горло двумя острыми звериными клыками, – закончил Рилан.

Тони повернулась к нему.

– А если это проклятый? – спросила она. – Который еще не полностью обернулся?

– Тогда отметины были бы как от обычных зубов или как укус Жаждающего, – ответил Рилан, качая головой и глядя в окно. – Я никогда не видел ничего подобного.

Мне пришлось с ним согласиться.

– Она... она была бледной, и это не из-за смерти. В ней словно не осталось крови, и даже если это был Жаждающий с

двумя клыками... – Я сморщила нос. – Это было бы грязнее, не так аккуратно. Она выглядит, будто...

– Будто что?

Мне вспомнился облик девушки, и я посмотрела на свои руки. С ней кто-то был, по ее воле или нет. Но, насколько я знала, Жаждающие не интересуются ничем, кроме крови.

– Просто похоже, что с ней в комнате кто-то был.

Тони выпрямилась.

– Если это не Жаждающий, то кто мог сделать подобное?

Внутри и снаружи замка множество людей: слуги, гвардейцы, посетители... Вознесшиеся. Но все равно это не имеет смысла.

– Ранка, похоже, находилась прямо на яремной вене. Кровь должна была быть повсюду, а я не увидела ни капли.

– Это... это очень странно.

Я кивнула.

– И у нее практически сломана шея. Не знаю ни одного Жаждающего, который такое сотворил бы.

Тони обхватила себя руками.

– И я не хочу знать никого, способного на такое.

Как и я. Но все мы знаем, что люди способны на любые зверства, как и Вознесшиеся. Они ведь тоже когда-то были смертными, и склонность к жестокости, похоже, одна из тех черт, что некоторые из них унаследовали в своем новом качестве.

Мои мысли переключались к лорду Мэзину. Он жесток, за-

дирист и, судя по нашему недавнему общению, может быть гораздо хуже. Но способен ли он на то, что произошло? Меня передернуло. Даже если это лорд Мэзин, то зачем он это сделал и как? У меня не было ответов.

Я подумала о единственном существе, которое могло такое совершить. Но это казалось чем-то невероятным.

– Ты... ты ее узнала? – тихо спросила Тони.

– Нет, но думаю, что она леди-в-ожидании или посетительница, судя по ее платью.

Тони слегка кивнула и опять принялась крутить жемчужину на лифе. Воцарилось молчание. Вскоре пришел Виктор и негромко заговорил с Риланом. Я сдвинулась на краешек кресла, когда он отошел от Рилана и со вздохом сел на край сундука, стоящего в изножье моей кровати.

– В замке обыскали каждый дюйм. Ни других жертв, ни Жаждущего не нашли, – сказал он, наклонившись ко мне. – Капитан Янсен считает, что территория безопасна.

Помолчав, он поднял голову и посмотрел искоса.

– Относительно, так сказать.

– Ты... ты ее видел? – спросила я. Он кивнул. – Думаешь, это нападение Жаждущего?

– Никогда не видел ничего подобного, – ответил Виктор, повторяя слова Рилана.

– Что это вообще значит?

– Не знаю. – Он потер рукой лоб.

Я отметила, как он массирует кожу над бровями и косится

на нас, сидящих под масляными лампами. Иногда у Виктера болела голова. Не так, как у меня, когда я отпускаю чутье или слишком много использую свой дар, а гораздо сильнее. В таких случаях ему становилось плохо от света и звуков.

Я отпустила чутье и сразу ощутила резкую пульсирующую боль за глазами. Быстро обрезала связь – разрубила воображаемый канат между ним и мной. Очередная головная боль – последнее, чего бы мне хотелось.

– Если это не Жажущий, то есть ли другие варианты? – спросила Тони.

– Герцог считает, это работа Последователей.

– Что? – Я вскочила на ноги.

– Здесь? В замке? – воскликнула Тони.

– Он так считает.

Я подошла к Виктеру, и он поднял голову, предостерегающе глядя на меня.

– А ты в это веришь? – спросил Рилан со своего места у двери. – Потому что я не знаю, как Последователь мог так ранить, не пролив крови.

– Согласен, – пробормотал Виктер, глядя на меня. – Такое невозможно прибрать, особенно если жертву видели менее чем за час до этого.

– Тогда почему герцог настаивает, что это Последователь? – усомнилась Тони. – Он неглуп. Он тоже должен понимать все это.

Я потянулась за тонким шерстяным пледом и небрежно

положила руку на затылок Виктера. Его кожа была теплой и сухой. Я вспомнила пляжи и смех мамы. Он сделал глубокий, прерывистый вздох, и я поняла, что его боль прошла.

– Не знаю, почему герцог так считает, но у него должны быть на то причины. – Виктер с благодарностью глянул на меня, а я убрала руку и, вернувшись в кресло, уложила плед на колени.

Тони посмотрела на меня и, сделав глубокий вдох, опять перевела взгляд на Виктера.

– Ты знаешь, кто она?

Он выпрямился. Глаза его явно прояснились.

– Ее опознала одна из служанок. Жертву звали Малесса Экстон.

Мне это имя было незнакомо, но Тони тихо охнула.

Я повернулась к ней.

– Ты ее знала?

– Не очень. Вернее, я о ней слышала. – Она качнула головой, отчего несколько локонов выбилось из прически. – Вроде бы она появилась при дворе примерно в то же время, что и я. Ее часто видели с одной леди, которая живет в Лучезарном ряду. Кажется, это леди Ишервуд.

Лучезарным рядом прозвали улочку недалеко от замка и парка Роши Желаний. Многие роскошные дома в Лучезарном ряду принадлежали Вознесшимся.

– Она была такой юной. – Тони опустила руку на колени. – У нее еще столько всего было впереди.

Я ощутила ее печаль, которая переключалась с моей собственной. Не глубокая боль, как после утраты знакомого человека, а сожаление, которое вызывает любая смерть, особенно такая бессмысленная.

Рилан попросил Виктера выйти с ним; Тони, извинившись, ушла к себе. Мне приходилось удерживаться, чтобы не прикоснуться к ней. Если б я это сделала, я бы забрала ее боль, хотя и делала это раньше, а она даже не понимала. Подойдя к окну, я уставилась на ровный свет факелов за Валом.

Вскоре Виктор вернулся.

– Спасибо, – сказал он, подходя ко мне. – Эта головная боль выбивает меня из колеи.

– Рада, что смогла помочь.

– Не надо было. У меня есть порошок от целителя.

– Знаю, но мой дар приносит облегчение гораздо быстрее, без головокружения и сонливости.

И это лишь два из многих побочных эффектов коричневатого порошка.

– Это правда.

Несколько секунд Виктор молчал, и я знала, что его размышления так же тревожны, как и мои.

Мне не верилось, что убийство – дело рук Последователя, хотя такие раны можно нанести чем-нибудь вроде ножа для колки льда. Тем не менее очень трудно перерезать человеку яремную вену и при этом не забрызгать кровью все вокруг. Но еще больше озадачивали мотивы. Чем поможет

делу Последователей создание ран такого типа? Единственное известное мне существо, способное нанести такие раны, противоречит всему, во что верят Последователи.

– Рилан мне рассказал.

Я вскинула брови.

– Что?

Он устремил на меня глаза цвета морской воды.

– Рилан рассказал о лорде Мэзине.

У меня внутри все оборвалось. Я отвернулась. Не то чтобы я забыла стычку с лордом, просто это было не самое значительное или тревожное событие за последние пару часов.

– Поппи, он что-нибудь сделал? – спросил Виктер.

Жар залил мое лицо удушливой волной, и я прижалась щекой к оконному стеклу. Я не хотела об этом думать. Никогда не хотела. Подкатывала тошнота и эта... дикая неловкость, от которой кожа казалась липкой и грязной. Я не понимала, почему так себя чувствую. Я не виновата в том, что привлекаю внимание лорда, и даже если бы я старалась его привлечь, он все равно поступает неправильно. Но когда я думала о том, как нахально он прикасается ко мне, хотелось содрать с себя кожу.

И я не хотела думать о том, как благодарна была крикам служанки, хотя понятия не имела, чем они вызваны.

Я отбросила все эти мысли, чтобы вернуться к ним позже. Скорее всего, перед сном.

– Он не сделал ничего, просто приставал.

– Правда?

Я кивнула. Это далековато от правды, но я ведь жива и здорова. А что Виктор сделает с правдой? Ничего. Он достаточно умен, чтобы это понимать.

На его скулах заиграли желваки.

– Надо, чтобы он оставил тебя в покое.

– Согласна. Но я могу с ним справиться.

Вроде того.

Мне не хотелось думать, насколько близка я была к тому, чтобы натворить что-нибудь непростительное. Если бы я вытащила кинжал и воспользовалась им, надежды для меня не осталось бы. Но, боги, я бы не испытала ни капли вины.

– Можешь, но не должна, – ответил Виктор. – И ему следовало бы знать.

– Следовало, и он, скорее всего, знает. Но, наверное, ему плевать. – Я развернулась и оперлась на подоконник. – Знаешь, я видела ее в комнате, видела, как она... лежала. Это навело меня на мысль, что с ней кто-то был, по ее желанию или нет.

Он кивнул.

– Целитель, который осматривал ее тело, считает, что перед смертью у нее была физическая близость, но не обнаружил следов борьбы. Ни засохшей крови, ни кожи под ногтями. Но уверенности у него нет.

Я поджала губы.

– Думаю, Последователям нет смысла оставлять такие ра-

ны, даже если бы они могли сделать их... аккуратно. Что это за послание? Единственное существо, которое могло сделать с ней такое, это...

– Атлантианец, – договорил Виктер, поймав мой взгляд.

Я кивнула, довольная тем, что это произнес он, а не я.

– Герцог должен это знать. Любой увидевший эти раны решил бы так и задался вопросом, зачем Последователям делать то, что легко соотносится с атлантианцами.

– Вот почему я не думаю, что это был Последователь, – сказал Виктер, и мою грудь сдавило. – Я думаю, что это был атлантианец.

* * *

То, что по замку Тирман свободно разгуливает Последователь, вызывало тревогу. Но мысль о том, что сюда проник незамеченным атлантианец, в самом деле ужасала.

Я хотела найти какое-нибудь доказательство того, что у нас с Виктером паранойя, и поэтому на рассвете, когда в замке было тише всего, а мою комнату снаружи охранял Рилан, спустилась на первый этаж и прокралась мимо пугающе тихой кухни.

Как только взойдет солнце, можно будет не волноваться, что я наткнусь на лорда Мэзина или какого-нибудь Вознесшегося.

Войдя в пиршественный зал, я свернула налево, ко второй

двери, где я встречаюсь со жрицей Аналией на еженедельных уроках. Войдя внутрь, я посмотрела через тускло освещенный коридор на комнату напротив, где нашли Малессу.

Дверь была закрыта.

Отведя от нее взгляд, я поспешила к голому деревянному стулу, увидев на нем книгу, которую не чаяла когда-либо читать по собственной воле.

В основном потому, что я, наверное, уже миллион раз читала «Историю войны Двух Королей и королевства Солис».

Я поднесла ее к единственному окну, к слабым лучам восходящего солнца, и быстро открыла. Осторожно листала тонкие страницы, зная, что если порву хоть одну, жрица Аналия будет весьма недовольна. Нашла нужную главу. Здесь было всего несколько абзацев с описанием облика атлантианцев, их особенностей и способностей.

К сожалению, все здесь лишь подтверждало то, что я уже знала.

На самом деле я никогда не видела атлантианца – по крайней мере, я так думала, в этом и крылась проблема. Атлантианцы выглядят как смертные. Даже вымерших вольвенов, когда-то живших в Атлантии, можно было легко спутать со смертными, хотя таковыми они никогда не были. Атлантианцы славились способностью смешиваться с людьми, чтобы покорять их и охотиться на них, – что делало их смертоносными и опытными хищниками. Атлантианец может пройти мимо меня, а я этого не пойму. Как не поймут и Вознесшие-

ся. Боги почему-то не приняли это во внимание, давая Благословение.

Я просматривала текст, и мне в глаза бросилось одно слово, от которого у меня сжался желудок. Клыки. Я перечитала этот отрывок, хотя и знала, о чем идет речь.

«Между девятнадцатым и двадцать первым годами чистокровные атлантианцы утрачивают детскую уязвимость, и злой дух в их крови активизируется. В этот период, по мере возмужания, отмечается ошеломляющее возрастание силы и способности исцеляться от большинства смертельных ран. Также отмечается, что до войны Двух Королей и истребления вольвенгов исполнялся связующий ритуал между атлантианцем определенного класса и вольвенгом. О такой связи мало что известно, но считается, что данный вольвенг был связан обязательством защищать атлантианца.

У истинных атлантианцев два верхних клыка превращаются в звериные, удлиняются и заостряются, но неопытный глаз не заметит ничего необычного».

Я вспомнила ранки-проколы на шее Малессы. Клыки атлантианцев не такие крупные и заметные, как у Жаждущих, но герцог мог приказать проверить рты всем в замке.

Следует признать, это было бы вторжением в личное пространство.

Я стала читать дальше.

«После появления клыков начинается следующая фаза взросления, когда атлантианцев охватывает жажда. До тех пор, пока удовлетворяются их неестественные запросы, они почти не стареют. Считается, что один год смертных равнозначен тридцати годам атлантианца. Самым старым из известных атлантианцев был Циллиан Да'Лаон, отметивший перед смертью 2702-й календарный год».

Это означает, что атлантианец может выглядеть лет на двадцать-тридцать, а на самом деле ему свыше ста лет. Возможно, двести или даже больше. Но они все равно стареют, в отличие от Вознесшихся, которые благословлены богами и замирают на том возрасте, в котором получили Благословение. Самым старым Вознесшимся на вид больше тридцати, и они могут жить целую вечность.

Тем не менее и атлантианцы, и Вознесшиеся живут так невероятно долго, что они близки к бессмертным – к богам.

Такая продолжительность жизни казалась мне непостижимой. Я покачала головой и продолжила читать.

«В это время атлантианцы способны передавать злой дух из своей крови смертным, создавая злобных хищников, известных как Жаждущие. Они имеют некоторые общие физические особенности со своими создателями. Это про-

клятие передается через отравленный поцелуй...»

Отравленный поцелуй не имеет ничего общего с соприкосновением губ. Атлантианцы делают то же, что и Жажущие, только... не так грязно. Атлантианцы кусают и пьют кровь смертных, чтобы жить.

Невероятное долголетие, сила и способности к исцелению обусловлены их основным источником пищи – смертными. Я содрогнулась.

Существо, которое укусило Малессу и питалось ее кровью, должно быть атлантианцем. Это объясняет отсутствие пролитой крови и то, что она была такой невероятно бледной.

Но не объясняет, почему атлантианец свернул ей шею и убил до того, как распространится проклятие. Почему атлантианец не позволил ей обернуться? Опять же, укус в том месте, которое нелегко спрятать. Сам укус – предупреждение всем, кто его видел.

Среди нас живет атлантианец.

Закрыв книгу, я аккуратно положила ее обратно на стул, размышляя. Мое Вознесение произойдет в девятнадцатый день рождения – атлантианцы достигают зрелости примерно в этом возрасте. Меня это не слишком удивляло. В конце концов, наши боги когда-то были их богами.

Но атлантианцев боги больше не поддерживают.

Выйдя из комнаты, я направилась было к кухням, но мой

взгляд упал на комнату, в которой нашли Малессу. Нужно вернуться в свои покои до того, как слуги приступят к обычным делам, но я поступила иначе.

Я подошла к этой двери, обнаружила, что она не заперта, и повернула ручку. Не успев подумать, что я делаю и куда иду, шагнула внутрь. К счастью, настенные светильники отбрасывали в комнату неяркий свет.

Кушетка исчезла, на ее месте было пусто. Кресла остались, как и круглый кофейный столик, на нем какая-то цветочная композиция. Я прокралась вперед, не зная, что вообще ищу и пойму ли, если это что-то найду.

Кроме пропавшей кушетки, похоже, тут все осталось на своих местах, но в комнате было странно холодно, словно открыты окна. Хотя по эту сторону пиршественного зала окон вообще нет.

Что здесь делала Малесса? Читала книгу, ждала какую-то другую леди-в-ожидании? Или леди Ишервуд? Или она пробралась сюда, чтобы встретиться с кем-то, кому доверяла? Или ее застали врасплох?

По спине пробежала дрожь. Не знаю, что хуже – когда предадут или застают врасплох?

На самом деле знаю. Хуже, когда предают.

Я сделала шаг и, посмотрев под ноги, резко остановилась. Что-то виднелось под ножкой кресла. Нагнувшись, я вытащила этот предмет из-под кресла. Склонив набок голову, я погладила большим пальцем гладкую и мягкую белую по-

верхность.

Этот был... лепесток.

Ощувив его аромат, я сдвинула брови. Жасмин. Как ни странно, мой желудок скрутило. Обычно этот запах мне нравился.

Выпрямившись, я посмотрела на вазу с цветами. В композиции были несколько белых лилий, но никакого жасмина. Я нахмурилась и перевела взгляд на лепесток. Откуда он взялся? Качая головой, подошла к букету, приткнула лепесток к остальным цветам и в последний раз окинула взглядом комнату. На кремовом коврике не было никаких пятен, а он бы точно испачкался, если бы здесь пролилась кровь.

Я понятия не имела, что делаю. Если тут были улики, их убрали, а если не убрали, то у меня нет никакого опыта в их поисках. Я просто хотела что-нибудь сделать или найти доказательство, которое отметет наши худшие опасения.

Но здесь нечего делать и нет ничего, что опровергло бы самое очевидное предположение. Что я думаю о правде? Да, она часто бывает пугающей. Но правда дает власть.

А я не из тех, кто прячется от правды.

* * *

Без приключений я вернулась в свою комнату и оставалась там до вечера, точно как и в любой другой день.

Меня навестила Тони – ненадолго, пока ее не позвала одна

из хозяек. Никого не изолировали, но я подумала, что нападение, по крайней мере, замедлит приготовления к Ритуалу.

Конечно, это была глупая мысль. Я сомневалась, что Ритуалу может помешать даже землетрясение.

Я долго размышляла над тем, что случилось с Малессой. И чем больше думала о том, почему герцог солгал, уверяя, что нападение совершил Последователь, тем больше его решение обретало смысл. Просто он поступил так же, как и Филлипс, гвардеец с Вала, который не хотел говорить о гибели Финли, чтобы не сеять страх и панику.

Но это не объясняет, почему герцог не был честен с королевскими гвардейцами. Если среди нас есть атлантианец, гвардейцы должны быть к этому готовы.

Вознесшиеся могущественны и сильны, однако атлантианцы тоже обладают этими качествами. Быть может, даже в большей степени.

Незадолго до заката в дверь постучал Рилан.

– Не хочешь сходить в сад? Я решил спросить.

– Не знаю. – Я посмотрела на окна. – Думаешь, все будет хорошо?

– Да, – кивнул он.

Мне в самом деле нужно подышать свежим воздухом и отвлечься от размышлений. Просто... не знаю. Не прошло и суток после убийства Малессы, и тем не менее сегодня самый обычный вечер.

– Нечего здесь сидеть, – сказал Рилан, и я перевела взгляд

на него. – Разве что ты сама этого хочешь. То, что случилось вчера с бедной девушкой и лордом, не имеет никакого отношения к тому, что доставляет тебе радость.

Я слегка улыбнулась.

– А тебе, наверное, надоело стоять в коридоре.

– Возможно, – усмехнулся Рилан.

С широкой улыбкой я шагнула назад.

– Сейчас, только надену вуаль.

Собралась я всего за пару минут. На этот раз по пути в сад нам никто не помешал; разве что останавливались и пялились слуги. Пока я шла к одному из своих любимых мест на территории замка, все мои тревоги и навязчивые мысли, как обычно, улетели прочь. Когда я попала в обширный сад, мой разум успокоился и я забыла обо всех заботах.

Я не думала о Малессе и атлантианце, который пробрался в замок. Меня не преследовал образ Агнес, держащей обмякшую руку мужа, или то, что произошло в «Красной жемчужине» с Хоуком. Я даже не думала о предстоящем Вознесении и о том, что сказал Виктер. В Садах Королевы я просто... жила настоящим вместо того, чтобы погружаться в прошлое или думать о будущем с его бесконечными «а что, если».

Не знаю, почему сады так называли. Насколько мне известно, королева очень давно не была в Масадонии, но я полагала, что герцог с герцогиней называли сады в ее честь из верноподданнических чувств.

Пока я жила с королевой, я ни разу не видела, чтобы она ступала в роскошные дворцовые сады.

Я посмотрела на Рилана. Обычно единственной опасностью, с какой он мог столкнуться, был внезапный ливень, но сегодня он держался более настороженно, чем когда-либо. Он непрестанно окидывал взглядом многочисленные тропинки. Раньше я думала, что он скучает на таких прогулках, но Рилан никогда не жаловался. Виктор же, в отличие от него, все время ворчал, что мы могли бы заняться чем-нибудь более полезным.

Если подумать, Рилану могли нравиться эти вылазки, и не только потому, что ему надоедало стоять в коридоре возле моей комнаты.

По саду пронесся холодный ветер, зашелестел листвой и задрал край моей вуали. Как бы мне хотелось ее снять. Она была достаточно тонкой, чтобы видеть сквозь нее, но несколько затрудняла прогулки в сумерках и в слабо освещенных местах.

Я прошла мимо большого фонтана в виде статуи из мрамора и известняка, изображающей Деву в вуали. Из кувшина в ее руках струилась вода со звуком, напоминающим плеск волн в бухтах моря Страуд. Под водой поблескивало множество монет – подношений богам, чтобы те исполняли желания.

Я приблизилась к дальней части сада, где внутреннюю стену, отделяющую замок Тирман от города, скрывала неболь-

шая, но густая рощица жакаранды. Деревья были высокими, больше пятидесяти футов, и в Масадонии их круглый год усеивали воронкообразные цветы лавандового оттенка. Только в самые холодные месяцы, когда случались снегопады, лепестки опадали, покрывая землю фиолетовым морем. От жакаранды захватывало дух, однако я ценила эти деревья не только за красоту, но и за их пользу.

Они скрывали провалы в стене, которыми мы с Виктором часто пользовались, чтобы незаметно выбираться в Рошу Желаний.

Я остановилась перед массой переплетенных вьющихся стеблей, которые взбирались вверх по соединенным деревянным решеткам такой же высоты, что и жакаранды. Подняла голову к стремительно темнеющему небу и затем устремила взгляд вперед.

Рилан остановился рядом со мной.

– Вовремя мы.

Я улыбнулась уголками губ.

– Успели.

Всего через несколько секунд солнце уступило место луне. Последние солнечные лучи угасли на стеблях. Сотни бутонов задрожали и медленно раскрылись, выпуская пышные лепестки цвета беззвездных небес.

Ночные розы.

Закрыв глаза, я вдохнула слабый сладкий аромат. Сильнее всего они пахли, когда раскрывались, и потом на рассвете.

– Они прекрасны, – заметил Рилан. – Они напоминают мне...

Его слова перешли в сдавленный хрип.

Раскрыв глаза, я обернулась, и крик ужаса застрял у меня в горле. Рилан, споткнувшись, отшатнулся назад. Из его груди торчала стрела. У него на лице отразилось недоверие.

Он поднял подбородок и прохрипел:

– Беги. – Из уголка его губ потекла струйка крови. – Беги.

Глава 7

– Рилан!

Я бросилась к нему, чтобы подхватить, но у него подогнулись ноги. Он был слишком тяжел, и я упала вместе с ним, стукнувшись коленями о землю. Даже не заметив удара, я прижала ладони к ране Рилана, пытаюсь остановить кровь. Я отпустила чутье, ожидая ощутить боль.

– Рилан...

Какие бы слова я ни собиралась произнести, они замерли у меня на языке, оставив вкус пепла.

Я... я ничего не почувствовала, и это было неправильно. Ему должно быть очень больно. Я могла бы помочь. Могла забрать боль, но ничего не чувствовала, и когда опять посмотрела ему в лицо, я не хотела видеть того, что увидела. Его глаза были распахнуты и невидяще устремлены в небо. Я потрясла головой, но его грудь под моими руками не двигалась.

– Нет, – прошептала я. Кровь превращалась в лед и снежную слякоть. – Рилан!

Ни ответа, ни какой-то иной реакции. На дорожке под ним расплывалась лужа крови, просачиваясь в символы, вырезанные в камне: круг, пронзенный стрелой посередине. Бесконечность. Власть. Королевский герб. Я надавила на грудь Рилана, отказываясь верить... Мои дрожащие руки стали

мокрыми от крови.

Позади, как раскаты грома, раздались шаги.

Я повернулась. В нескольких футах от меня стоял человек с луком. Его лицо скрывал капюшон.

– Дева, будешь делать что я скажу. – Голос мужчины звучал как шорох гравия. – Тогда никто не пострадает.

– Никто? – выдохнула я.

– Ну, больше никто не пострадает, – поправился он.

Я уставилась на него, а грудь Рилана под моими ладонями по-прежнему не двигалась. В душе я знала, что она больше никогда не поднимется. Он умер, еще не успев упасть на землю. Его больше нет.

Меня пронзила боль, такая резкая и настоящая. Что-то горячее ударило в мои вены и хлынуло в грудь, заполняя пустоту. Руки перестали дрожать. Страх и потрясение исчезли, сменившись гневом.

– Встань, – приказал он.

Я осторожно поднялась. Мое платье, пропитавшееся кровью Рилана, прилипло к коленям в тонких лосинах. Сердце замедлилось, а рука скользнула в прорезь на боку платья. Это он убил Малессу? Если так, то он атлантианец, и если я на что-то надеюсь, нужно быть быстрой.

– Уходим отсюда, – сказал он. – Ты не пикнешь и не будешь доставлять мне проблем. Не будешь, Дева?

Мои пальцы сжались на гладкой, холодной рукоятке кинжала. Я покачала головой.

– Хорошо. – Он шагнул ко мне. – Не хочу причинять тебе боль, но если ты дашь мне повод, я не буду колебаться.

Я не шевелилась. Жар моей ярости бушевал внутри, вырываясь на поверхность. Рилан погиб из-за меня. Как мой телохранитель он исполнял свой долг, но он погиб из-за того, что этот мужчина решил меня захватить. Малесса, возможно, подверглась нападению и была убита. Но зачем?

Если он атлантианец или Последователь, я нужна ему для выкупа. Я привыкла к новостям такого рода. Например, в Триречье похитили трех Вознесшихся. Вернули их по частям.

Но сейчас намерения этого человека меня не волновали. Значение имело только то, что он убил Рилана, который так же восхищался ночными розами, как и я. И не исключено, что он же убил Малессу, столь небрежно и неуважительно оставив ее тело на всеобщее обозрение.

– Вот и хорошо, – ласково проговорил он. – Умница. Ты сообразительная. Будь такой и дальше, и все пройдет для тебя безболезненно.

Он потянулся ко мне...

Выхватив кинжал, я ринулась вперед и вонзила клинок ему под руку.

– Что?..

Я очутилась у него за спиной и схватила его за плащ. Ударил кинжалом в спину, целясь, куда учил Виктор.

В сердце.

Хотя и застигнутый врасплох, он действовал стремительно, уклонившись в сторону. Но недостаточно быстро, чтобы избежать кинжала. Клинок вонзился глубоко в бок, на считанные сантиметры промахнувшись мимо сердца, и хлынула кровь.

Он завопил от боли. Этот звук напомнил мне собачий вой. Я выдернула кинжал, а из его горла вырвался совершенно другой звук. Раскатистое рычание, от которого у меня все волосы на теле встали дыбом.

Такой... нечеловеческий звук.

Я крепче сжала кинжал, поглубже вгоняя его в чужую спину. Мужчина развернулся. Я не заметила его кулака, пока моя челюсть и край рта не вспыхнули болью, сбив мне прицел. Во рту появился металлический привкус. Кровь. Кинжал вонзился в бок мужчины. Глубоко. Но недостаточно глубоко.

– Сука, – прохрипел он и еще раз врезал мне кулаком по голове.

Удар был внезапным и ошеломительным. Я шатнулась назад, перед глазами заплясали звезды, а затем потемнело. Я чуть не упала, удержавшись на ногах лишь усилием воли. Я знала, что если упаду, то уже не поднимусь. Виктор учил меня и этому.

Быстро моргая, я пыталась прояснить зрение. Мужчина развернулся ко мне. Капюшон с него упал. Он был молод, всего на несколько лет старше меня, с лохматыми темными

волосами. Он прижимал руку к боку, и кровь сочилась между его пальцев.

Он быстро истечет кровью. Наверное, я задела что-то жизненно важное.

Хорошо.

Оскалившись со звериным ворчанием, он встретился со мной взглядом. Даже в лунном свете я увидела его глаза. Они были цвета замерзшей воды. Бледные, серебристо-голубые.

– Ты за это заплатишь, – прорычал он. Его голос стал еще более скрипучим, словно ему в горло набили камней.

Я подобралась. Инстинкт говорил, что если я побегу, то он погонится за мной, как любой хищник. А если я останусь близко, то смогу лучше прицелиться.

– Еще один шаг ко мне, и в третий раз я не промахнусь мимо сердца.

Он рассмеялся, и я похолодела. Его смех был слишком глубоким, каким-то нечеловеческим.

– Я сдеру кожу с твоих слабых, хрупких костей. Мне плевать, зачем ты ему нужна. Я искупаюсь в твоей крови и буду пировать твоими внутренностями.

Ко мне подкрался страх, но я не позволила ему укорениться.

– Звучит восхитительно.

– О, еще бы. – Он улыбнулся и шагнул ко мне. Его зубы были перепачканы кровью. – Твои крики...

Откуда-то из рощи раздался резкий, пронзительный

свист, и мужчина замолчал. Он остановился, его ноздри раздувались. Свист повторился, и злодей задрожал от ярости. Он сделал шаг назад, кожа вокруг его рта побелела.

Я наблюдала за ним, не моргая и крепко сжимая кинжал, но мои ноги подкашивались.

Он подобрал упавший лук и, морщась, выпрямился. Опять встретился со мной взглядом.

– До скорой встречи.

– Жду не дождусь, – ответила я сквозь зубы.

Он ослабился.

– Будешь умничать, воздам тебе по заслугам.

Сомневаюсь, что мне понравится такое воздаяние.

Пятясь, он зашел за розы, развернулся и припустил прочь, быстро растворившись в густых тенях под деревьями. Я осталась на месте, судорожно дыша, готовая к тому, что это какая-то уловка и он ждет, когда я повернусь спиной. Не знаю, сколько я так простояла, но к тому времени, как поняла, что он не вернется, дрожь дошла до кистей рук.

Я медленно опустила кинжал. Мой взгляд упал на пятна крови в том месте, где он стоял. Сделав еще один короткий вздох, я посмотрела на розы. На лепестках цвета оникса блестяли капли крови.

Я затряслась с головы до ног.

Усилием воли я заставила себя развернуться.

Рилан лежал на том же месте, безвольно раскинув руки, с потухшими глазами. Я открыла было рот, чтобы заговорить,

но не смогла. Да и все равно не знала, что сказать.

Я опустила взгляд на кинжал в своих руках. В горле за-
рождался надрывный крик.

Возьми себя в руки. Возьми себя в руки.

Надо позвать кого-нибудь к Рилану. Он не должен лежать
здесь вот так, и нельзя, чтобы меня видели с окровавленным
кинжалом. Никто не должен знать о том, что я сражалась с
нападавшим. Я сжала дрожащие губы.

Возьми себя в руки.

В какой-то миг дрожь прекратилась и сердце замедлило
темп. Я по-прежнему не могла вдохнуть полной грудью, но
шагнула вперед, наклонилась и вытерла клинок о штаны Ри-
лана.

– Прости, – прошептала я. От чувства вины по коже по-
бежали мурашки, но это нужно было сделать. Я убрала кин-
жал в ножны. Голова и лицо болели. – Я приведу к тебе ко-
го-нибудь.

Ответа не было. И больше никогда не будет.

Я двинулась по тропинке, не понимая, что делаю. Озноб
охватил меня, просачиваясь через кожу вглубь тела. Я шла на
свет в окнах замка. Обогнув фонтан, я остановилась – впе-
реди послышались шаги. Моя рука скользнула к кинжалу,
пальцы сомкнулись на...

– Дева? Мы слышали крики, – позвал кто-то.

Это был королевский гвардеец, который часто присмат-
ривал за леди и лордами-в-ожидании. При виде меня он вы-

таращил глаза.

– Боги богов, что с тобой?

Я попыталась ответить, но утратила дар речи. Другой гвардеец выругался, и тут мимо них протиснулся высокий человек с золотистыми волосами и невозмутимым обветренным лицом. Виктер. Он окинул меня взглядом, задержавшись на коленях и руках, а потом на не закрытой вуалью части лица.

– Ты ранена? – Он схватил меня за плечи. Он держал меня бережно, и его голос был мягким. – Поппи, ты ранена?

– Рилан. Он...

Я подняла взгляд на Виктера и осеклась на полуслове, вспомнив, что говорил Хоук о смерти, которая приходит без предупреждения. Я это всегда знала, но все равно была потрясена.

«Смерть – как старый друг, который порой наносит визит, когда его совсем не ждешь, а в другой раз – когда вполне ожидаешь».

Смерть в самом деле наносит неожиданные визиты.

* * *

– Как это случилось? – настойчиво спросила герцогиня Тирман.

Она расхаживала по комнате, в которой обычно принимали гостей. Драгоценные цветы на ее каштановых волосах

сверкали в свете люстры.

– Как мог кто-то пробраться в сад и чуть не схватить ее?

Наверное, так же, как вчера кто-то пробрался в замок и убил леди-в-ожидании.

– Пока мы разговариваем, внутреннюю стену обыскивают, – сказал вместо этого Виктор.

Он стоял за моей спиной, а я сидела на краешке бархатной кушетки, боясь запачкать кровью золотые подушки.

– Я полагаю, злоумышленник проник через поврежденную часть стены, которая спрятана за жакардой.

Та самая часть стены, через которую мы с Виктором незаметно выбирались с территории замка.

Темные глаза герцогини вспыхнули от гнева.

– Пусть выкорчуют все деревья! – приказала она.

Я ахнула.

– Простите, леди, – пробормотал целитель, промокнув влажной тканью мой подбородок и сунув тряпку Тони, которая взамен дала чистую. Ее позвали, как только меня привели в гостиную.

– Все хорошо, – заверила я седовласого мужчину. Мою реакцию вызвали не действия целителя. Снадобье, конечно, щипало, но меня поразил приказ герцогини Тирман. – Эти деревья растут здесь больше ста лет...

– И они прожили долгую, полноценную жизнь. – Герцогиня повернулась ко мне. – А ты – нет, Пенеллаф.

Она направилась ко мне. Алая юбка собралась вокруг ее

лодыжек, напомнив кровь, что разлилась вокруг Рилана. Я хотела отшатнуться, но побоялась обидеть герцогиню.

– Если бы этого человека не спугнули, он забрал бы тебя, и эти деревья – последнее, о чем бы ты волновалась.

В этом она права.

Только Виктор знал, что произошло, – что мне удалось ранить злодея, прежде чем его отозвали. Хотя мы не стали делиться подробностями, чтобы не выдать себя, Виктор велит целителям в городе следить, не появится ли человек с такими ранами.

Но деревья...

Может, это они повредили стену, но та на моей памяти всегда была в таком состоянии. Не сомневаюсь, что герцог с герцогиней знали о стене и просто не отдавали распоряжения ее починить.

– Насколько сильно она пострадала? – спросила герцогиня.

– Раны неглубокие, ваша милость. Она отделалась ушибами. Немного неприятно, но скоро все заживет. – Старый целитель поднялся на негнущихся ногах, скрипя суставами. На его сгорбленных плечах висел длинный темный плащ. – Вам невероятно повезло, юная Дева.

Это не везение.

А хорошая подготовка.

Вот почему я отделалась всего лишь болью в виске и разбитой губой.

Но я кивнула.

– Спасибо за заботу.

– Можешь дать ей что-нибудь от боли? – спросила герцогиня.

– Да, конечно. – Волоча ноги, он подошел к столику, на котором лежала его кожаная сумка. – У меня есть прекрасное снадобье.

Порывшись в сумке, он достал флакон с розовато-белым порошком.

– Помогает при любой боли, но вызывает сонливость. Имеет легкий снотворный эффект.

Я не имела ни малейшего намерения принимать то, что содержится во флаконе, но его передали Тони, а она положила снадобье в карман.

Как только целитель ушел, герцогиня повернулась ко мне.

– Открой лицо.

Слабо вздохнув, я взялась за цепочки, но ко мне придвинулась Тони и прошептала:

– Давай я.

Я хотела ее остановить, но мой взгляд упал на мои руки. Я вытерла их, как только меня привели в гостиную, но под ногтями осталась кровь, а на пальцах виднелись засохшие брызги.

Неужели тело Рилана все еще лежит под розами?

Тело Малессы унесли из комнаты только спустя несколько часов. Интересно, отдали ли его ее семье или сожгли из

предосторожности?

Тони расстегнула вуаль и аккуратно сняла, стараясь не зацепить волосы, выбившиеся из узла, в который я их собрала утром.

Герцогиня Тирман встала передо мной на колени и холодными пальцами ощупала кожу вокруг моих губ, а потом правый висок.

– Что ты делала в саду?

– Смотрела на розы. Я хожу к ним почти каждый вечер. – Я подняла голову. – Рилан всегда сопровождает меня. Он не... – Я прочистила горло. – Он даже не видел нападавшего. Стрела попала ему в грудь прежде, чем он сообразил, что там кто-то есть.

Ее бездонные глаза исследовали мои.

– Похоже, он был не так внимателен, как должен был. Ему не следовало ни на миг терять бдительность.

– Рилан был очень опытен, – сказала я. – Тот человек прятался...

– Твой охранник был так опытен, что его сразила стрела? – тихо спросила она. – Неужели этот человек-призрак не издал ни звука? Не было никакого предупреждения?

У меня задеревенела спина, когда я вспомнила, какие он издавал звуки. Ничем не напоминающие человеческие.

– Рилан был настороже, ваша милость...

– Что я тебе говорила? – Она вскинула изящно изогнутые брови.

Сияясь сохранить спокойствие, я сделала неглубокий вдох.

– Рилан был настороже, Джасинда. – Я назвала ее по имени. Она временами требовала это, но я не понимала, когда она хочет, чтобы я так к ней обращалась, а когда нет. – Человек... он вел себя тихо, и Рилан...

– Оказался не готов, – закончил вместо меня Виктор.

Я так быстро повернула голову, что висок пронзила боль. Мне не верилось.

Голубые глаза Виктера встретились с моими.

– Ему нравились ваши вечерние прогулки в сад, – продолжал он. – Он не думал, что там будет угроза, и, к несчастью, чересчур расслабился. Вчерашний вечер должен был послужить уроком.

Вчерашний вечер послужил уроком. Рилан неустанно следил за территорией. У меня поникли плечи, и затем шестеренки повернулись в моем мозгу. Йен.

– Пожалуйста, не говорите ничего моему брату. – Мой взгляд заметался от герцогини к Виктеру. – Я не хочу его волновать, а он разволнуется, даже если со мной все хорошо.

– Пенеллаф, мне придется сообщить о случившемся королеве. Ты это знаешь, – ответила герцогиня. – Ее решения вне моего контроля. Если она посчитает, что Йену нужно знать, она ему скажет.

Я ушла в себя.

Холодные пальцы герцогини коснулись моей щеки – ле-

вой щеки. Я повернулась к ней.

– Пенеллаф, понимаешь ли ты, как это важно? Ты Дева. Ты избрана богами. С тобой связаны Вознесения сотен леди и лордов-в-ожидании по всему королевству. Это будет величайшее Вознесение со времен первого Благословения. Рилан и все королевские гвардейцы знали, что поставлено на карту, если с тобой что-то случится.

Мне нравилась герцогиня. Она была добра, в отличие от своего супруга, и на какое-то мгновение мне показалось, что она волнуется обо мне самой. Но все же ее больше интересовало то, что я значу. Если со мной что-нибудь случится, она многое потеряет. Не только мою жизнь, но и будущее сотен тех, кто готовится к Вознесению.

Мне следовало об этом помнить, и меня охватила печаль.

– Если Последователи каким-то образом помешают Вознесению, это будет их величайшим триумфом. – Герцогиня встала, разглаживая ладонями платье. – Это будет таким жестоким ударом для нашей королевы, короля и богов.

– Значит, вы думаете... это был Последователь? – спросила Тони. – Что он хотел схватить ее не ради выкупа?

– На стреле, попавшей в Рилана, была метка, – ответил Виктор. – Обещание Темного.

Обещание Темного.

К горлу подкатил ком. Я встретилась взглядом с Тони. Я знала, что это означает.

«Из крови и пепла

Мы восстанем».

Это обещание – что они восстанут – он дал своим людям и сторонникам, разбросанным по всему королевству. Это обещание оскверняло фасады домов в каждом городе и было вырезано на камнях руин, оставшихся от дворца Золотого Полумесяца.

– Буду с вами откровенной, – сказала герцогиня, глядя на Тони. – И верю, что мои слова не превратятся в шепотки в устах сплетников.

– Конечно, – пообещала Тони, а я кивнула.

– Есть... причины считать, что напавший вчера вечером был атлантианцем. – Тони резко втянула воздух. Я же не отреагировала на эту новость, поскольку мы с Виктером это уже подозревали. – Эта весть не для широкой огласки. Паника, которую она может вызвать... что ж, она никому из нас не принесет пользы.

Я глянула на Виктера. Он пристально смотрел на герцогиню.

– Вот кто, по вашему мнению, приходил за мной сегодня? Тот же человек, который повинен в смерти Малессы?

– Не могу сказать, что тот же, но мы полагаем, что повинный в дурном обращении с нашей леди-в-ожидании входит в ту же шайку, что и вчерашний посетитель, – объяснила герцогиня. Она направилась к комоду у дальней стены и налила себе какой-то прозрачный напиток из стеклянного графина. – Мы проверили, нет ли в замке посторонних, и решили,

что преступник ушел и что все представление было устроено затем, чтобы показать, как легко им сюда проникнуть. Решили, что непосредственная угроза миновала.

Она отпила из стакана; ее губы дернулись при глотке.

– Ясно, что мы ошиблись. Может, их уже нет в замке, но они есть в городе.

Она повернулась ко мне. Алебастровая кожа герцогини стала еще бледнее.

– За тобой приходил Темный, Пенеллаф.

У меня екнуло сердце, и я вздрогнула.

– Мы будем тебя защищать, – продолжала она. – Но я не удивлюсь, если король с королевой, узнав о случившемся, предпримут решительные меры, чтобы обеспечить твою безопасность. Они могут призвать тебя в столицу.

Глава 8

– Не думаю, что тот человек в саду был сам Темный, – сказала я Виктеру, пока мы шли под большими белыми знаменами, украшенными золотым королевским гербом. – Когда он говорил, что будет пировать моими внутренностями, он кого-то упомянул, сказал: «Мне плевать на то, зачем ты ему нужна». Если за нападением стоит Темный, полагаю, речь шла именно о нем.

– Думаю, кто бы ни был в саду, он Последователь, – согласился Виктер.

Он не убрал руку с эфеса короткого меча и осматривал обширный коридор так, словно Последователи притаились за статуями и горшками с лилиями.

Леди-в-ожидании, стоящие небольшой группой, понизили голоса, когда мы проходили мимо. Некоторые прижали ладони ко ртам. Если они еще ничего не слышали, теперь мое перепачканное кровью платье дало им понять, что случилось еще что-то.

– Надо было уйти старым путем для слуг, – пробормотала я.

Я без того нечасто попадалась им на глаза, а увидев меня такой, они будут неделю сплетничать.

– Не обращай на них внимания. – Тони переместилась вперед, чтобы заслонять меня.

Белый флакон с порошком, который, как она знала, я не собираюсь принимать, по-прежнему был у нее.

– Может, это хорошо, что они видят, – решил Виктор чуть погодя. – Случившееся может послужить хорошим напоминанием о том, что мы живем в беспокойное время. Мы все должны быть бдительны. На самом деле никто не в безопасности.

По моей спине пробежала дрожь. Озноб еще не прошел, и все казалось нереальным, пока я не подумала о Рилане. Нутро болело сильнее, чем разбитый подбородок и висок.

– Когда... когда будут хоронить Рилана?

– Скорее всего, утром. – Виктор глянул на меня. – Ты знаешь, что тебе туда нельзя.

Вознесшимся, как и лордам и леди-в-ожидании, не положено присутствовать на похоронах гвардейца. На самом деле, так просто не поступали.

– Он был моим телохранителем и... и другом. Меня не волнует, делают так или нет. Из-за протокола я не пришла на похороны Ханнеса, а я хотела. – Вина по этому поводу все еще грызла меня, обычно в три часа ночи, когда я не могла заснуть. – Ради Рилана я хочу прийти.

Тони, похоже, хотела возразить, но передумала. Виктор просто вздохнул.

– Ты знаешь, его милость не одобрит.

– Он редко что-то одобряет. Внесет этот поступок в свой все возрастающий список того, чем я его расстроила.

– Поппи. – Виктер стиснул зубы, и я вспомнила наш спор прошлой ночью. – Можешь и дальше вести себя так, будто герцога можно сердить вот так запросто, но ты знаешь, что его гнева это не уменьшит.

Я знала, конечно, но это ничего не меняло. Я всегда была готова иметь дело с последствиями. Как в тот раз, когда решила помогать несчастным, которых заражали Жаждающие.

– Мне плевать. Рилан умер на моих глазах, и я ничего не сделала. Я вытерла... – мой голос дрогнул. – Я вытерла клинок о его одежду.

Мы как раз входили в фойе. Виктер остановился, положил руку мне на плечо и мягко сжал.

– Ты сделала все что могла. Ты сделала все, что нужно. Ты не виновата в его смерти. Он исполнял свой долг, Поппи. Как и я, если бы я погиб, защищая тебя.

У меня остановилось сердце.

– Не говори так. Никогда так не говори. Ты не умрешь.

– Когда-нибудь умру. Может, мне повезет и бог Рейн придет за мной во сне, но с таким же успехом я могу погибнуть от меча или стрелы. – Он встретился со мной взглядом, хоть и сквозь вуаль, и к моему горлу подкатил ком. – Неважно, как и когда это случится, но это будет не твоя вина, Поппи. И ты не будешь ни минуты тратить на раскаяние.

Мои глаза заволокли слезы, и его лицо расплылось. Я даже думать не могу, что с Виктером что-то случится. Достаточно тяжело было потерять Ханнеса и Рилана, которые не были

мне так близки, как Виктор. Не считая Тони, он единственный знает, отчего я не сплю по ночам и почему мне нужна уверенность, что я могу себя защитить. Он знает больше, чем мой брат. Потерять его – все равно что заново потерять родителей, даже еще хуже, потому что воспоминания о матери и отце, их лица и голоса со временем потускнели. Они навсегда остались в прошлом, просто призраки тех, кем были когда-то. А Виктор есть в настоящем, его я вижу отчетливо и помню каждую черту.

– Скажи, что ты это понимаешь, – мягко произнес он.

Я не понимала, но все равно кивнула. Ему нужно видеть мое согласие.

– Рилан был хорошим человеком, – его голос стал тверже, и на мгновение его глаза наполнились горем, доказывающим, что он все же не остался равнодушным к смерти Рилана. Просто он умеет это скрывать. – Знаю, что при разговоре с ее милостью не казалось, что я так думаю. Я не отрицаю своих слов, Рилан слишком расслабился, но такое может случиться с лучшими из нас. Он был хорошим охранником, и он заботился о тебе. Он бы не хотел, чтобы ты испытывала вину. – Виктор опять сжал мое плечо. – Идем. Тебе нужно вымыться.

Когда мы подошли к моей комнате, Виктор проверил все вокруг, убедившись, что дверь на старую лестницу для слуг заперта. Меня обеспокоило то, что он чувствует необходимость проверить мои покои, но я поняла: он действует так,

чтобы лишний раз подстраховаться.

Я вспомнила кое-что из слов герцогини и, пока он не ушел, спросила:

– Шайка, о которой говорила герцогиня... Ты знаешь, кто они?

– Не знаю ни о каких шайках. – Виктор посмотрел на Тони, которая несла в ванную чистые полотенца. Он часто говорил открыто в ее присутствии, но сейчас... сейчас другое дело. – Но меня не держат в курсе того, что происходит, поэтому я не слишком удивлен.

– То есть герцог просто старается избежать паники, – предположила я.

– Герцогиня всегда была более прямолинейна, но, полагаю, капитану он сказал правду. – Он стиснул зубы. – Он должен был сказать и мне.

Должен был. И неважно, что правду Виктор уже подозревал.

– Постарайся отдохнуть. – Он положил руку мне на плечо. – Если тебе что-то понадобится, я буду снаружи.

Я кивнула.

Вскоре горячая ванна стояла у камина, и Тони забрала грязное платье. Я больше никогда не захочу его видеть. Я погрузилась в исходящую паром воду, принялась тереть ладони и руки, пока они не порозовели от жара и трения. Внезапно перед мысленным взором возник Рилан, я вспомнила потрясение, с каким он смотрел на свою грудь.

Зажмурившись, я погрузилась в воду с головой и оставалась там до тех пор, пока легкие не начали гореть и лицо Рилана не исчезло. И только тогда позволила себе вынырнуть. Так я и сидела, прижав к груди ушибленные колени, пока кожа не сморщилась, а вода не начала остывать.

Выбравшись из ванны, я накинула толстый халат, который Тони оставила на стуле, и босиком потопала по нагретым камням к зеркалу. Вытерла ладонью участок запотевшего стекла и уставилась в свои зеленые глаза. Этот цвет мы с Йеном унаследовали от отца – у мамы глаза были карие. Я это помнила. Однажды королева сказала, что за исключением глаз я точная копия матери, какой она была в моем возрасте. Мне достался ее крутой лоб, овальное лицо, острые скулы и полные губы.

Я повернула голову. Небольшое покраснение и ссадины на виске и в углу рта были едва заметны. Мазь, которую целитель втер в кожу, сильно ускорила заживление.

Наверное, это та же мазь, которой лечат рубцы, слишком часто появляющиеся на моей спине.

Я выбросила эти мысли из головы и посмотрела на левую щеку. Ее тоже лечили, но отметины остались.

Я редко смотрела на эти шрамы, но теперь изучала зазубренную полоску – розовую, чуть бледнее остальной кожи. Шрам начинался ниже линии волос и шел по виску, лишь чуть-чуть не задев левый глаз. Исцеленная рана заканчивалась около носа. Еще одна, покороче, располагалась выше,

разрезая лоб и бровь.

Я прижала влажные пальцы к длинному шраму. Мне всегда казалось, что глаза и рот слишком велики для моего лица, но королева сказала, что моя мама считалась красавицей.

Что бы ни говорила королева Илеана о моей маме, в ее голосе звучала страдальческая нежность. Они были близки, и я знала: она сожалеет, что дала маме единственное, о чем та когда-либо просила.

Позволение отказаться от Вознесения.

Моя мама была леди-в-ожидании, ее отдали ко двору во время Ритуала, но отец не был лордом. Она предпочла моего отца Благословению богов, и такая любовь... что ж, у меня нет в этом никакого опыта. Может, никогда не будет, и я сомневалась, что такая любовь была у большинства людей, независимо от того, что готовило им будущее. Мама поступила неслыханным образом. Она была первой и последней, кто так сделал.

Королева Илеана не раз говорила, что если бы моя мама вознеслась, она могла бы выжить той ночью. Но той ночи вообще могло бы не быть. Я бы здесь не стояла. Как и Йен. Она бы не вышла замуж за отца, а если бы вознеслась, то не смогла бы иметь детей.

Так что сожаления королевы были излишни.

Но если бы мои родители умели защищаться, когда той ночью на нас опустился туман, то, может, они до сих пор были бы живы. Вот почему я стою здесь, а не стала пленницей

человека, решившего уничтожить Вознесшихся и более чем желающего проливать при этом кровь. Если бы Малесса умела защищаться, может, ее участь бы не изменилась, но, по крайней мере, у нее был бы шанс.

Я опять встретилась взглядом со своим отражением. Темный меня не возьмет. Чтобы сдержать эту клятву, я буду убивать и, если придется, умру.

Я опустила руку и медленно отвернулась от зеркала. Переодевшись, оставила у двери зажженную лампу и забралась в кровать. Не прошло и двадцати минут, как в смежную дверь негромко постучали и раздался голос Тони.

Я перевернулась в сторону двери.

– Я не сплю.

Тони вошла и прикрыла дверь.

– Я... Я не могу заснуть.

– А я еще даже не пыталась, – призналась я.

– Если ты устала, я вернусь к себе, – предложила она.

– Ты знаешь, что я все равно нескоро усну.

Я похлопала по кровати рядом с собой.

Она подбежала и залезла под одеяло. Повернувшись на бок, посмотрела на меня.

– Никак не могу перестать думать обо всем этом, а ведь меня там даже не было. Не представляю, что творится у тебя голове. – Она помолчала. – Наверное, что-то связанное с кровавой мстью.

Несмотря на все происшедшее, я заулыбалась.

– Ты не так уж ошиблась.

– Я потрясена, – ответила она, и тут же ее улыбка угасла. – Я все время думаю, каким все это кажется нереальным. Сначала Малесса, теперь Рилан. Я видела его сразу после ужина. Он был жив и здоров. Вчера утром я проходила мимо Малессы. Она несла букет цветов, улыбалась и выглядела счастливой. Как будто... Не могу постичь, что их больше нет. Вот они есть, и в следующее мгновение уже нет, безо всякого предупреждения.

Тони была одной из немногих, кого смерть не коснулась близко. Ее родители, старший брат и сестра живы. Кроме Ханнеса не умер никто, кого она знала или часто видела.

И хотя я слишком хорошо знакома со смертью, она по-прежнему потрясала и, как сказал Хоук, не становилась менее суровой и неумолимой.

Я сглотнула.

– Не знаю, каково было Малессе. – Насколько я знала, это было ужасно, хотя, если я так скажу, это ничем не поможет. – Но для Рилана все прошло быстро. Двадцать или тридцать секунд. И потом его не стало. Он не сильно страдал, и та боль, что он испытал, быстро закончилась.

Тони глубоко вздохнула и закрыла глаза.

– Он мне нравился. Не такой суровый, как Виктер, и не замкнутый, как Ханнес и остальные. Ты могла с ним поговорить.

– Знаю, – прошептала я, мое горло горело.

Немного помолчав, Тони открыла глаза и сказала:

– Темный. Он больше воспринимается как...

– Миф?

Она кивнула.

– Не то чтобы я не верила в его реальность. Просто о нем говорили как о какой-то страшилке. – Она свернулась калачиком и подтянула одеяло до подбородка. – Что, если в саду был сам Темный, а тебе удалось его ранить?

– Это было бы... изумительно, и я бы до скончания века хвасталась перед тобой и Виктером. Но, как я сказала, я так не думаю.

– Хвала богам, ты знала, как действовать. – Тони нащупала мою руку и пожалала. – Иначе...

– Знаю. – В такие моменты трудно помнить о том, что нас свели по обязанности. Я пожалала ее руку в ответ. – Я рада, что тебя со мной не было.

– Хотелось бы сказать, что я желала быть там, чтобы ты не столкнулась с опасностью в одиночку, но, если честно, я тоже рада, что меня с тобой не было, – призналась она. – Я бы только отвлекала визгом.

– Неправда. Я показывала тебе, как обращаться с кинжалом...

– Знать основы и применять клинок на живом существе – это далеко не одно и то же. – Тони убрала руку. – Я точно стояла бы столбом и вопила. Мне не стыдно в этом признаться, и мои крики, возможно, быстрее привлекли бы внимание

гвардейцев.

– Ты бы защищалась. – Я была в этом полностью уверена. – Я видела, как агрессивно ты себя вела, когда осталось одно последнее пирожное.

Она засмеялась так, что вокруг глаз появились морщинки.

– Но это же пирожное. Ради последнего я бы спихнула с балкона герцогиню.

Я коротко усмехнулась.

Тони играла выбившейся из одеяла ниткой. На ее губах расплылась и сразу исчезла широкая улыбка.

– Как ты думаешь, король с королевой призовут тебя в столицу?

У меня напряглись плечи.

– Не знаю.

Это неправда.

Если они решат, что в Масадонии я больше не в безопасности, они потребуют вернуть меня в столицу, хотя до моего Вознесения еще почти год.

Но не это вызвало холод в моей груди, растекшийся по всему телу. Герцогиня дала понять, что главная забота – не допустить, чтобы Вознесению помешали. И есть только один способ.

Королева может подать богам прошение ускорить Вознесение.

Рано утром, когда солнце светило слишком ярко для столь близкого к зиме дня, я стояла рядом с Виктером у подножия Нетленных холмов, перед храмами Рахара, предвечного бога, и Ионы, богини возрождения. Нависшие над нами храмы, сооруженные из самого черного камня с дальнего востока, оба были размерами с замок Тирман. Тени от них закрывали половину ложбины, но не то место, где мы стояли. Словно боги проливали свет на нас.

Мы молча наблюдали за тем, как обернутое саваном тело Рилана Кила поднимают на погребальный костер.

Когда я присоединилась к Виктеру, одетая не для тренировки, а в белое и в вуаль, он смирился. Он знал, что не отговорит меня, и ничего не сказал, пока мы шли к месту похорон, где собрались все жители Масадонии. Хотя мое присутствие вызвало множество потрясенных взглядов, никто не спрашивал, что я здесь делаю. И даже если бы мне что-нибудь сказали, я бы не изменила своего решения. Быть здесь – мой долг перед Риланом.

Мы стояли в задних рядах небольшой толпы, в окружении королевских гвардейцев и гвардейцев с Вала. Из уважения к ним я не хотела подходить ближе. Рилан был моим телохранителем, другом, а им был братом, и на них его смерть повлияла иначе.

Верховный жрец в белой мантии говорил о силе и смелости Рилана, о славе, которую он обретет в компании богов, о ждущей его вечной жизни, и в моей груди росла ледяная боль.

Рилан на погребальном костре казался таким маленьким, словно уменьшился в размерах. Жрец полил его тело маслом и посыпал солью. В воздухе поплыл сладкий аромат.

Гриффит Янсен, капитан королевской гвардии, вышел вперед с единственным факелом. Его белая накидка развеивалась на ветру. Капитан Янсен повернулся к нам и стал ждать. Я не сразу поняла кого.

Виктера.

Поджечь костер поручат ему, как ближайшему соратнику Рилана. Он шагнул было вперед, но остановился и глянул на меня. Ясно, что он не хотел меня оставлять, даже в окружении десятков гвардейцев, когда очень маловероятно, что может что-то случиться.

О боги. До меня дошло: мое присутствие мешает ему отдать дань уважения. Вчера вечером мне и в голову не пришло, что именно поэтому он не хотел, чтобы я шла с ним. Я даже не подумала, каким ударом это будет для него.

Чувствуя себя эгоистичной дурой, я собралась было уверить, что буду в безопасности, пока он отдает долг уважения.

– Я за ней присмотрю, – произнес глубокий голос за моей спиной. Голос, который я не должна была знать, но знала.

У меня внутри все оборвалось, словно я стояла на краю

пропасти, и в то же время заколотилось сердце. Мне не нужно обращаться, чтобы понять, кто это.

Хоук Флинн.

О боги!

После всех минувших событий я почти забыла о Хоуке. Ключевое слово – «почти», потому что, проснувшись в это утро, я жалела, что не дождалась в «Красной жемчужине» его возвращения. Я боялась, что враги схватят меня и подвергнут ужасной участи или убьют прежде, чем я испытаю то, о чем люди говорят только шепотом.

Стальные серо-голубые глаза Виктера глянули поверх моего плеча. Прошло несколько долгих, напряженных мгновений. Гвардейцы наблюдали за нами.

– Присмотришь?

– Ручаюсь своим мечом и своей жизнью, – ответил Хоук, становясь рядом со мной.

В ответ на это обещание у меня внутри опять все затрепетало, хотя я знала, что так сказал бы любой гвардеец, будь он с Вала или защитник Вознесшихся.

– Капитан говорит, на Валу ты один из лучших, – произнес Виктер так тихо, что слышали только Хоук и я. – Говорит, что много лет не видел такого мастерства в обращении с луком и мечом.

– Я мастер в своем ремесле.

– В каком же? – спросил Виктер.

– Убивать.

Этот простой, короткий ответ, сорвавшийся с его губ, так твердо сжатых и таких мягких на ощупь, потряс меня. Но это слово не напугало меня, а вызвало совершенно иную реакцию, которая, наверное, должна была меня встревожить. Или, по крайней мере, заинтересовать.

– Она – будущее этого королевства, – предупредил Виктор, и я поежилась от странной смеси неловкости и нежности. Он произнес то, что говорили все, от герцогини до королевы, но я знала: его слова относятся к тому, кто я такая, а не к тому, что я значу. – Вот кто стоит рядом с тобой.

– Я знаю, с кем стою рядом.

Из моего горла рвался истерический смешок. На самом деле он понятия не имеет, кто стоит рядом с ним. Хвала богам, мне удалось подавить смех.

– Со мной она в безопасности, – добавил Хоук.

Да, это так.

И не так.

Виктор посмотрел на меня, и я смогла только кивнуть. Говорить нельзя. Если я заговорю, Хоук может узнать мой голос, и тогда... боги, я даже помыслить не могла, что тогда будет.

Бросив на Хоука последний предостерегающий взгляд, Виктор развернулся на каблуках и направился к гвардейцу, держащему факел. С бьющимся сердцем я быстро взглянула в сторону Хоука.

И сразу об этом пожалела.

В ярком свете утреннего солнца, когда иссиня-черные волосы не закрывали лицо, его черты казались тверже, суровее и еще прекраснее. Губы плотно сжаты, никакого намека на ямочку. Он был в той же черной униформе, что и тогда в «Красной жемчужине», но сейчас на нем еще кожаная с железом броня гвардейца с Вала. На боку висел широкий меч с темно-рубиновым лезвием из кровокамня.

Почему он вызвался присматривать за мной? Здесь стояли десятки королевских гвардейцев. Это им следовало так поступить. Скользнув взглядом по толпе, я поняла, что все они стараются на меня не смотреть. Интересно, это потому, что они редко меня видят, или потому, что они боятся наказания герцога и богов, если вообще на меня посмотрят?

Их долг – отдать жизнь за ту, к кому нельзя приближаться без позволения. За ту, на кого нельзя глазеть слишком долго – это считается непочтительным. Тревожная ирония ситуации лежала на их плечах тяжким грузом.

Но Хоук совсем другой.

Он никак не мог узнать, что это я была в «Красной жемчужине». Он никогда раньше не слышал моего голоса, и сомневаюсь, что у меня такие узнаваемые губы и подбородок.

Герцогиня говорила, он прибыл из столицы с блестящими рекомендациями и, скорее всего, станет одним из самых молодых королевских гвардейцев. Если Хоук этого хочет, ему наверняка поможет то, что он вызвался за мной присмотреть. И в королевской гвардии внезапно появилось свобод-

ное место.

Разве нельзя такое предположить?

На его челюсти дрогнула мышца, что сразу меня заворожило. Но я тут же вспомнила, зачем я здесь. Вовсе не для того, чтобы сквозь вуаль пожирать глазами Хоука. Я перевела взгляд на Виктера, который шел к погребальному костру.

Мне ужасно хотелось отвернуться или закрыть глаза, когда он опустил факел. Я не отвернулась. Я смотрела, как пламя облизывает дрова; слышала, как тишину нарушило потрескивание древесины. Мои внутренности сжались, когда пламя вспыхнуло, охватывая тело Рилана, а Виктор опустился перед костром на одно колено и склонил голову.

– Ты оказала ему большую честь своим присутствием, – тихо сказал Хоук, но я вздрогнула от его слов.

Я повернулась к нему. Его глаза были яркими, словно сами боги отполировали янтарь и вставили ему в глазницы.

– Для всех нас твое присутствие здесь – большая честь.

Я открыла рот, чтобы сказать: Рилан и все они заслуживают гораздо большего, чем честь моего присутствия. Но тут же осеклась. Нельзя рисковать.

Взгляд Хоука скользнул к моему подбородку, задержался на уголке рта, где, как я знала, кожа была воспалена.

– Ты пострадала. – Это был не вопрос, а утверждение, произнесенное твердым, как гранит, тоном. – Будь уверена, что больше такого не случится.

Глава 9

Я пригibasась и вертелась, кожа взмокла от пота, толстая коса хлестала по бокам. Я вскинула ногу, и моя босая ступня встретилась с подбородком Виктера. Застигнутый врасплох, он качнулся в сторону, а я пронеслась мимо него. Он начал было отбиваться, но вдруг замер и опустил взгляд на кинжал, который я держала у его горла.

Уголки его губ опустились.

– Я выиграла, – улыбнулась я.

– Победа не главное, Поппи.

– Нет?

Я опустила кинжал и отступила назад.

– Главное – выжить.

– Разве это не победа?

Бросив на меня косой взгляд, он провел рукой по лбу.

– Что бы ты себе ни думала, это вовсе не игра.

– Знаю.

Я убрала кинжал в ножны на бедре. Одетая в плотные лосины и старую тунику Виктера, я прошла по каменному полу к старому деревянному столу, взяла стакан воды и сделала долгий глоток. Я была бы счастлива, если бы могла ходить в такой одежде весь день. Каждый день.

– Но если бы это была игра, то я бы выиграла.

– Поппи, ты взяла верх всего дважды.

– Да, но оба раза я бы перерезала тебе горло. Ты взял верх трижды, но не смог причинить особого вреда, кроме поверхностных ран.

– Поверхностных ран? – Он издал короткий смешок. – Только ты можешь счесть выпотрошенные внутренности поверхностной раной. Ты не умеешь проигрывать.

– Так это все же игра?

Он фыркнул.

Широко улыбаясь, я пожала плечами. В солнечных лучах, льющихся из открытых окон, танцевали пылинки. Стекло давно сняли, поэтому здесь все время сквозило, зимой было очень холодно, а летом – невыносимо жарко. Зато к нам сюда никто никогда не совался, а перепады температуры вполне можно стерпеть.

Это было утро следующего дня после похорон Рилана. Для замка еще несуетная рань. Почти все обитатели замка придерживались расписания Вознесшихся, и слуги, как и герцог с герцогиней, считали, что я еще в постели. Только Тони знала, где я. Не знал даже Рилан, так как по утрам у меня всегда дежурил Виктер.

– Как твоя голова? – поинтересовался он.

– Хорошо.

Он выгнул светлую бровь.

– Не обманываешь?

У меня на виске остался только слабый синевато-пурпурный синяк. Покраснение вокруг рта прошло. Был еще неглу-

бокий порез внутри щеки, который изредка кровил, но в остальном со мной все в порядке. Наверное, пожелание Виктера не переживать и вчерашний отдых пошли мне на пользу.

После похорон Рилана я провела день в своих покоях, читая книгу, которую принесла Тони. Это была история двух несчастных влюбленных, предназначенных друг другу судьбой. Книга была из категории Запрещено-Читать-Пенеллаф, куда входило почти всё, за исключением учебной литературы и учений богов. Вчера вечером я дочитала роман и стала думать, принесет ли Тони еще книг. Сомнительно. Почти все ее свободное время поглощает подготовка к предстоящему Ритуалу. Даже если она не сможет принести мне что-нибудь почитать, я могу просто пробраться в Библиотеку и взять сама. Кроме того, я не хотела, чтобы она бродила по городу – не после попытки похищения и того, что случилось с Малессой.

Это значило, что мне тоже не следует бродить без охраны, но Библиотека не очень далеко. Всего в нескольких кварталах от замка, туда легко попасть через Рощу. Я могу переодеться так, чтобы во мне не узнали Деву, но все равно рискованно и глупо поступать так вскоре после нападения.

– Прошлой ночью немного болела, но когда я проснулась, все прошло. – Я помолчала. – У него слабый удар.

Виктер фыркнул и подошел ко мне, убрав меч в ножны.

– Хорошо спала?

Я подумала, не солгать ли.

– Я выгляжу невыспавшейся?

Он остановился передо мной.

– Ты вообще редко высыпаешься. Мне показалось, произошедшее с Риланом нарушит твой и без того плохой сон.

– О, так ты беспокоишься обо мне? – поддела я. – Ты такой хороший отец.

Его лицо стало непроницаемым.

– Поппи, не уклоняйся.

– Почему? У меня хорошо получается.

– На самом деле нет.

Я со вздохом закатила глаза.

– Я не сразу засыпаю, но кошмаров уже давно не было.

Виктер смотрел мне в глаза, словно пытаюсь понять, не лгу ли я. Этот человек мог распознать мое вранье. Я не лгала... не совсем. После похода в «Красную жемчужину» мне не снилось страшных снов, не знаю почему.

Может, потому что, засыпая, я думала о том, что случилось в «Красной жемчужине», и это каким-то образом отвлекало мой мозг от травм прошлого. Если так, то дареному коню в зубы не заглядывают.

– Как ты думаешь, кем заменят Рилана? – сменила я тему разговора прежде, чем он продолжит расспросы.

– Еще не знаю, но думаю, что скоро этот вопрос решится.

Мои мысли сразу перенеслись к Хоуку, хотя его, наверное, нет среди претендентов. Есть же много других гвардейцев

с Вала, которые пробыли здесь дольше. Но меня все равно интересовал вопрос отбора.

– Может, это будет тот гвардеец, который приехал недавно из столицы? Который стоял рядом со мной на похоронах?

Который уверял, что больше я не пострадаю.

– Ты говоришь о Хоуке? – спросил Виктор, закрепляя второй меч.

– О, его так зовут?

Он поднял на меня взгляд.

– Лгунья из тебя никакая.

– Я не лгу! – Я нахмурилась. – О чем я, по-твоему, солгала?

– Разве ты не знаешь его имя?

Молясь, чтобы меня не выдал румянец, я сложила на груди руки.

– Откуда мне знать?

– Его имя знают все женщины в городе.

– Это имеет какое-то отношение к делу?

Губы Виктера дернулись, словно он подавил улыбку.

– Он очень красивый молодой человек, по крайней мере, мне так говорили, и нет ничего страшного в том, что ты его заметила. – Он отвернулся. – До тех пор, пока ты его только замечаешь и ничего больше.

Мои щеки жарко вспыхнули, потому что я сделала больше, чем только заметила Хоука.

– Когда бы у меня появилась возможность что-то сделать,

кроме как замечать его, что, смею тебе напомнить, строжайше запрещено?

Виктер опять рассмеялся, и я нахмурилась еще сильнее.

– Когда тебя останавливали какие-то запреты?

– Это другое, – сказала я, удивляясь, что боги не покарали меня на месте за такую откровенную ложь. – И когда бы у меня была возможность сделать что-то подобное?

– Рад, что ты это понимаешь. Пора тебе заканчивать с приключениями.

У меня внутри все перевернулось.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Он не обратил внимания на мои слова.

– Раньше я не слишком заботился о ваших с Тони вылазках, но после того, что случилось в саду, им нужно положить конец.

Я захлопнула рот на замок.

– Думаешь, я не знал? – Он расплылся в самодовольной улыбке. – Я следил, даже когда ты не подозревала.

– Ну, это... гнусно.

Я не хотела знать, известно ли ему о моем визите в «Красную жемчужину».

– Гнусно или нет, просто вспомни мои слова, когда в следующий раз будешь красться посреди ночи. – Не успела я ответить, как он добавил: – Что касается Хоука, то я бы сказал, что он слишком молод, чтобы стать твоим телохранителем...

– Но?

У меня заколотилось сердце, я едва заметила, что Виктор забрал у меня стакан.

– Но его умения исключительны, он лучше многих королевских гвардейцев. Я вчера вовсе не льстил его самолюбию, когда это сказал. В столице о нем были высокого мнения, и, похоже, он близок к капитану Янсену. – Виктор допил воду. – Не удивлюсь, если его повысят в обход других.

Мое сердце заколотилось о ребра.

– Но... но стать моим телохранителем? Наверное, больше подошел бы кто-то лучше знакомый с городом.

– На самом деле больше подойдет новый человек, менее склонный к расслабленности. Он будет смотреть на вещи не так, как мы, прожившие здесь долгие годы. Видеть слабые места и угрозы, которые мы можем проглядеть. И вчера он показал, что может без проблем выйти вперед там, где остальные стоят на месте.

Все это имело смысл, но... но он не мог стать моим личным королевским гвардейцем. Если станет, то рано или поздно мне придется с ним заговорить, и в какой-то момент он меня узнает.

И что тогда?

Если он близок к капитану и решительно настроен на повышение, то наверняка меня выдаст. Гвардейцы высоких званий, имеющие шансы дожить до отставки с хорошим содержанием, – это те, которые охраняют герцога и герцогиню Масадонии.

Днем, когда солнце стоит высоко, Большой зал, где проходят еженедельные Городские Советы и грандиозные празднества, – одно из самых красивых помещений во всем замке.

Через каждые двадцать футов расположены окна, более высокие, чем в большинстве городских домов. Они пропускали яркие и теплые солнечные лучи, которые заливали стены и пол из отполированного белого известняка. Слева из окон открывался вид на сады, справа – на храмы на вершине Нетленных холмов.

Между окон висели тяжелые белые гобелены. В центре каждого красовался золотой королевский герб. По длинному и широкому залу разбросаны кремово-белые колонны с золотыми и серебряными крапинками. В серебряных горшках рос белый и лиловый жасмин, наполняя воздух насыщенным сладким ароматом.

Настоящей достопримечательностью Большого зала был расписанный вручную потолок. Сверху на нас взирали боги. Иона и Рахар. Пламенная рыжеволосая Эйос – богиня любви, плодородия и красоты. Сэйон – темнокожий бог неба и земли – он был Землей, ветром и водой. Рядом с ним находился Теон – бог согласия и войны – и его сестра-близнец Лейла – богиня мира и возмездия. Бель – темноволосая богиня охоты, вооруженная луком. Перус – бледный белово-

лосый бог ритуала и процветания. Рядом с ним – Рейн, бог обычных людей и окончаний. И, наконец, моя тетка Пенеллаф – богиня мудрости, верности и долга, что я находила весьма ироничным. Лица всех богов выписаны поразительно живо и детально – всех, кроме Никтоса, короля всех богов, который дал первое Благословение. Его лицо и тело залиты ярким серебристым лунным светом.

Но сейчас, когда я стояла на возвышении слева от сидящей герцогини, из окон не лились солнечные лучи. Царила темная ночь. Освещение давали несколько настенных светильников и масляных ламп, отбрасывая в зал золотистое сияние.

Боги не выходят на солнце.

Как и Вознесшиеся.

Как к этому приспособился Йен? В солнечные дни он всегда выходил наружу со своими дневниками и записывал разные истории, что приходили ему на ум. Теперь он пишет при лунном свете? Если меня призовут в столицу, то скоро я это узнаю.

Во мне начала зарождаться тревога, и я выбросила из головы мысль о поездке в столицу, прежде чем беспокойство разрастется. Я рассматривала толпу, заполнившую Большой зал, притворяясь, что не ищу одно конкретное лицо, и потерпела жалкое поражение.

Я знала, что Хоук здесь. Он всегда присутствует, но я его еще не заметила.

Полная нервной энергии, я расцепляла и скручивала кисти рук, пока какой-то банкир рассыпался в похвалах Тирманам.

– Ты в порядке? – Виктор наклонил голову и понизил голос так, чтобы только я могла слышать.

Я слегка повернулась влево и кивнула.

– Почему ты спрашиваешь?

– Потому что ты с самого начала заседания вертишься, словно у тебя на платье сидят пауки.

Пауки на платье?

Если бы у меня на платье сидели пауки, я бы не вертелась. Я бы завизжала и сорвала с себя всю одежду. И мне было бы плевать, что все смотрят.

Я сама точно не знала, отчего стала такой беспокойной. Конечно, на то есть миллион причин, учитывая недавние события, но... кажется, есть еще что-то.

Это началось, когда я покинула Виктера, – кратковременная головная боль, которую я приписала удару и тому, что, возможно, перестаралась на тренировке. После обеда она стихла, но затем сменилась энергичностью и нервозностью. Как после кофе, присланного Йеном из столицы. Мы с Тони выпили всего по полчашки, а потом весь день не могли усидеть на месте.

Стараясь стоять смирно, я перевела взгляд налево, на сады, где раньше я находила такой покой. У меня заныло в груди. Я не ходила в сад ни вчера вечером, ни сегодня днем.

Мне не запретили, но я знала, что стоит мне выйти из дворца, как меня сразу окружают гвардейцы.

Я даже не представляла, как пройдет предстоящий Ритуал.

Сомневаюсь, что вообще смогу когда-нибудь вернуться в сады, как бы я ни любила их и ночные розы. Даже сейчас, просто глядя на темные очертания деревьев в окне, я представляла безжизненный взгляд Рилана.

Размеренно дыша, я переключила внимание с сада на переднюю часть зала. По обеим сторонам от возвышения стояли члены двора – Вознесшиеся. За ними – леди и лорды-в ожидании. Среди них – королевские гвардейцы в белых накидках с гербом. Зал наводняли торговцы и дельцы, селяне и рабочие – все они пришли ко двору с разными прошениями, жалобами или чтобы подольститься к герцогу или герцогине.

Люди пялились на нас, вытаращив глаза и разинув рты от благоговения. Некоторые из них впервые видели красавицу герцогиню Тирман с каштановыми волосами или герцога, блистающего холодной красотой, с очень светлыми, почти белыми волосами. Многие из них впервые были так близко к Вознесшимся.

Они выглядели так, будто находятся в присутствии богов, и я полагала, что в какой-то степени так и было. Вознесшиеся – потомки богов. По крови, если не по рождению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.